

ANTI METRO

АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

АНТИ МЕТРО

КНИГА ПЕРВАЯ

АнтиМетро

Андрей Бондаренко

АнтиМетро

«Автор»

2010

Бондаренко А.

АнтиМетро / А. Бондаренко — «Автор», 2010 — (АнтиМетро)

Зачастую события, описанные в фантастических романах, сбываются – полностью или частично. А иногда не сбываются вовсе. В том смысле, что начинают – ни с того, ни с сего – развиваться по совершенно другому сценарию, написанному некими важными и мудрыми – до пошлой тошноты – личностями, облачёнными нешуточной властью. Или же и вовсе безо всякого сценария. То есть вопреки всем тщательно разработанным планам и подробным инструкциям. Недаром говорил великий Александр Македонский: «Иногда и единичный воин может решить судьбу всего сражения. Если, конечно, этот воин отважен и имеет на плечах голову, а не глиняный горшок...» Так сбудется предсказанное или же нет, в конце-то концов?! Непростой, ей-ей, вопрос... И, вообще, по мере прочтения данного текста вопросы будут множиться и накапливаться, наслаиваясь друг на друга. А ответы на них уважаемый читатель получит только в последних главах... Но вдруг вопросы останутся? Ничего страшного. Уже пишется вторая книга этого цикла, которая, возможно, будет называться «АнтиМетро, Буэнос-Айрес».

© Бондаренко А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвёртая	30
Глава пятая	39
Глава шестая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Бондаренко

АнтиМетро

От автора

Зачастую события, описанные в популярных фантастических романах, сбываются – полностью или частично. А иногда – не сбываются вовсе. В том смысле, что начинают – ни с того, ни с сего – развиваться по совершенно другому сценарию, написанному некими важными и мудрыми – до пошлой тошноты – личностями, облачёнными нешуточной властью.

Или же, и вовсе, безо всякого сценария. То есть, вопреки всем тщательно разработанным планам и подробным инструкциям. Недаром говорил великий Александр Македонский, мол: – «Иногда и единичный воин может решить судьбу всего сражения. Если, конечно, этот воин является отважным и имеет на плечах голову, а не глиняный горшок...».

Впрочем, и от ошибок в этом мире никто не застрахован, в том числе, и уважаемые Читатели. Поэтому, не надо всё сходу валить на коварство спецслужб. Без рыцарей плаща и кинжала, естественно, никогда не обходится, но и переоценивать – излишне – степень их гадливости, право слово, не стоит.

Так сбудется предсказанное, или же нет, в конце-то концов?! Непростой, ей-ей, вопрос... И, вообще, по мере прочтения данного текста, вопросы будут неуклонно множиться и накапливаться, изощрённо наслаиваясь друг на друга. А ответы на них уважаемый Читатель получит только в последних главах и в Эпилоге... Если, вдруг, вопросы останутся? Ничего страшного. Уже пишется вторая книга этого цикла, которая будет называться (рабочий вариант) – «АнтиМетро, Буэнос-Айрес».

*С уважением,
Автор*

Пролог

Дурацкий сон, какой дурацкий – сон...

В прямоугольной комнате, примыкающей – посредством решётки – к их тюремной камере, загорелись две длинные секции «дневного» света.

– Пластиковые стулья, прямоугольный стол со стопкой бумажных листов, несколько шариковых ручек, – запечалился Шмидт. – Скорее всего, сейчас будет проведён допрос, сопровождаемый оформлением протокола. Знать бы ещё – в чём конкретно виноват... Как думаешь, командир, генерал-то будет наш, в смысле, «грушный»? Или же – «фээсбэшный»?

– Скоро узнаем, брат, – невесело хмыкнул Артём. – Лишь бы – только – не американский...

Послышался тихий, едва слышный скрип дверных петель, и в комнату вошли двое.

«Тьфу ты, мать его! Чтоб вас всех – долго, да по-разному!», – в сердцах возмутился внутренний голос. – «Изопрёрнный маскарад – он же разнузданный и легкомысленный карнавал – продолжается...».

Один из посетителей – статный, высокий и широкоплечий – был облачён в классическую генеральскую форму. Однако, в его внешнем облике наблюдались сразу три ярко-выраженные странности. Во-первых, генерал был до неприличия молод, лет двадцати шести-девяти от роду. Во-вторых, его мундир был без всякой меры украшен множеством самых разнообразных орденов, только звёзд «Героя России» насчитывалось шесть штук. В-третьих, глаза вошедшего были излишне светлыми, почти белыми, и блестели очень, уж, тревожно и беспокойно.

Второй гость (среднего возраста, с аккуратным тёмно-коричневым чемоданчиком в руках) был, наоборот, худеньким, щуплым и низкорослым. На его узких рахитичных плечах гордо красовался белый медицинский халат, на голове – белая же докторская шапочка. И всё бы ничего, но и халат, и головной убор данного комедийного персонажа были щедро разрисованы – во всех мыслимых и немыслимых местах – чёрной фашисткой свастикой.

«Похоже, что воспользовались обычным школьным фломастером», – презрительно скрипел внутренний голос. – «Бутафория подростковая, мать её! И эти звёзды «Героя», и фашистская свастика... А глаза-то у врача – тоже – с явной сумасшедшинкой. Только с совсем другой, без характерных следов частого употребления сильнодействующих наркотических средств. Скорее, уж, данный хиловатый субъект похож на среднестатистического учёного-фанатика – из низкопробных голливудских боевиков...».

Вольготно расположившись на пластиковом стуле, широкоплечий молодой человек – с видимым удовольствием – представился:

– Генерал-лейтенант Фёдор Комаровский! Руководитель «подземного» ГРУ России! Прошу любить и жаловать! Мать вашу...

– Доктор Геббельс, – скромно отрекомендовался узкоплечий тип в белом халате.

– Очень приятно! – стараясь выглядеть максимально невозмутимым и спокойным, откликнулся Артём. – Я – майор Белов, заместитель военного коменданта станции «Лесная». Возглавляю мобильную группу, следующую на станцию «Маяковская» с целью...

– Отставить! – нервно поморщился генерал-лейтенант. – Я ознакомлен с изысканными документами, майор Белов. Что случилось с двумя вашими товарищами? Извольте отвечать чётко и коротко, как и положено военному человеку. То бишь, без гнилой штатской воды и простран-ных экивоков.

– Есть, отвечать без гнилой воды! Мы имеем дело с побочными последствиями от воздействия на человеческую психику «сонного» газа. Эти два бойца уже в третий раз – за короткий временной промежуток – подверглись внезапному усыплению. Очевидно, поэтому и не

могут до сих пор прийти в сознание. У обоих наблюдается замедленное сердцебиение – на уровне двадцати пяти ударов в минуту.

– Геббельс? – руководитель подземного ГРУ вопросительно посмотрел на человека в белом халате. – Что нам скажет современная медицина? Необходимо, чтобы все заложники остались в живых! Они для нас – нынче – дороже золота и южноафриканских алмазов... Попрошу озаботиться со всем усердием! Головой отвечаете!

Сон, как ему и положено, завершился. А, вот, неприятное послевкусие осталось. Голова – с самого утра – раскалывалась на части. И, вообще, оно ожидалось целый день... Ожидалось – что? Оно, он, она? Пожалуй, всё-таки, она... Шарада...

Глава первая

Последний поезд и генеральская байка

Электронные часы показывали 23:55. К перрону станции «Технологический институт» подали пустой состав, двери гостеприимно распахнулись, то есть, разошлись в разные стороны, и хриплый баритон машиниста – с лёгким злорадством – объявил:

– Уважаемые дамы и господа! Россияне! Наш поезд следует до станции «Девяткино» со всеми остановками. Следующий состав отправится только завтрашним утром... Попрошу поторопиться при посадке! Отправление – через пять минут. Повторяю, милые господа и дамы! Ровно через пять минут!

Артём уже приготовился войти в вагон, но замер на месте и повернул голову направо – на шум возбуждённых и рассерженных голосов. Рядом со ступенями перехода на другую ветку питерского метрополитена назревала ссора, грозящая – через минуту-другую – перерасти в жаркую драку. Две группы молодёжи – каждая численностью примерно по восемь-десять человек – уже приступили к предварительному ритуалу: зазвучали взаимные матерные оскорбления и кровожадные угрозы, послышался громкий треск раздираемой (разрываемой?) ткани. Одни подростки были одеты в чёрные кожаные куртки и щеголяли бритыми налысо черепами, другие же были облачены в самую обыкновенную одежду, единственной приметной частью которой являлись синие и бело-голубые шарфы.

– Фашисты немного повздорили с фанатами «Зенита», – пояснил мелодичный девичий голосок. – Это достаточно серьёзно. Могут задержать отправление поезда, а то, и вовсе, отменить. Пока – ещё – менты прибегут и успокоят...

Он обернулся и непроизвольно улыбнулся – стоящая рядом с ним девчушка была очень миленькой: одета в камуфляжные куртку и брюки, невысокая, худенькая, стройная, зелёноглазая, светленькая, с двумя смешными косичками, переброшенными на грудь. Бантики на косичках были ярко-синими – в крупный чёрный горох.

– Не надо смотреть на меня – как на маленькую! – неожиданно обиделась девчонка, поправляя на своём плече широкий ремень мужской кожаной сумки. – Мне полторы недели назад исполнилось девятнадцать лет!

– Я и не смотрю..., – смущённо замялся Артём и, неожиданно для самого себя, представился. – Меня зовут Артёмом Петровичем. А вас? Если не секрет, конечно же...

– Немедленно прекратить хулиганить! – велел по мегафону строгий женский голос, обращаясь, по-видимому, к бритоголовым молодчикам и зенитовским фанатам. – Враз отменю поезд! Пешком, волчата тамбовские, будете добираться до своей Богом забытой Гражданки! Так вас всех растак! Зона вас всех зажала! Или там – российская армия... «Шарфики» – в последний вагон! «Лысые» – в первый! Ну, кому я сказала, рожи? Быстро у меня, уроды малолетние!

– Послушаются! – уверенно пообещала светленькая девушка. – Домой-то всем хочется попасть. Я, кстати, Татьяна...

Таня не ошиблась, уже через тридцать-сорок секунд мимо них торопливо прошагали, направляясь в голову состава, юнцы в чёрных куртках.

– А рубаху-то Никодиму я успел порвать! – похвастался широкоплечий верзила. – Только пуговицы – веером – полетели в разные стороны...

– Ты, Борман, мужчина могучий и отважный! – насмешливо хохотнул худой очкарик, шедший первым. – Настоящий «истинный ариец»! Наследник легендарной славы древних воителей...

– О, какая клёвая бикса! Я торчу и медленно охреневаю! – похотливо оскалился здоровяк, нагло подмигивая Татьяне. – Пошли с нами, девонька! Не пожалеешь! Пока доедешь до дома, раза три успеешь...

– Проходи, морда! – прервал его Артём.

– Чё ты сказал, тварь? Порешу в момент...

– Отставить! – начальственно прикрикнул очкарик. – Во-первых, поезд отходит. А, во-вторых, дяденька-то – больно, уж, серьёзный. С таким – без предварительной и тщательной подготовки – лучше не связываться. Себе, как говорится, дороже.

– Откуда ты знаешь, что серьёзный? – остановившись, поинтересовался Борман, недоверчиво тараща на Артёма карие поросёчьи глазки. – По мне, так самый обычный фраерок. Вырубится с первого же удара...

– От верблюда! Глаза у него авторитетные... Не просекаешь, дурилка? Вот, поэтому я – Фюрер, а ты – рядовой партайгеноссе... Всё, базар закончен! Ходу, гвардия!

Артём неуверенно посмотрел на девушку, не зная о чём говорить дальше.

«С одной стороны, легкомысленные бантики в горошек», – рассуждал он про себя. – «А, с другой, одета в пятнистый камуфляж, на лацкане куртки размещён какой-то жутко серьёзный значок. Буква «М», сложенная из двух кинжалов и двух автоматов Калашникова... Что может интересовать такую нестандартную и симпатичную барышню? Кто бы подсказал?».

Подсказка не заставила себя долго ждать:

– Эй, Сталкер! Кончай нагло заигрывать с посторонними мужиками! – раздался насмешливый голос. – Всё расскажем Сухому! Ничего не утаим!

От эскалатора торопливо бежали молодые люди в пятнистом камуфляже.

– Это мои товарищи по клубу. Хан и Хантер. А «Сталкер», стало быть, это я и есть, – чуть смущённо объяснила девушка и предложила: – Давайте, уже зайдём в вагон. До отправления состава осталось полторы минуты, – отчаянно замахала рукой, обращаясь к своим приятелям: – Быстрей, лентяи! Сюда! Шевелите помидорами!

В вагоне Артём расположился в самом торце, рядом с двумя пожилыми мужичками, одетыми в строгие чёрные костюмы (воротники белых рубашек мужичков – вместо галстуков – стягивали широкие тёмно-коричневые ленты), а компания «камуфляжников» заняла центральную скамью.

«Вот же, чёрт побери! Даже телефона у симпатичной девицы спросить не успел!», – всерьёз печалился Артём. – «Уже тридцать семь лет скоро стукнет, а всё никак не могу научиться – знакомиться с девчонками. В смысле, оперативно и эффективно... Что теперь делать, а? Подойти и вручить ей визитку? Бред полный! Неудобно как-то, прямо как в дешёвой голливудской мелодраме... Впрочем, может, и нет особого повода для огорчений? Там, кажется, уже существует некий ухажёр по имени «Сухой»... А эти двое – с лентами на шеях – похоже, матёрые сектанты...».

Пассажиров в вагоне – по позднему времени – было не густо, человек пятнадцать-восемнадцать. Большинство из них являлись одиночками и ехали молча: кто-то устало дремал, кто-то читал мятые детективы-боевики в мягких обложках. Только соседи Артёма живо обсуждали какую-то важную религиозную проблему, да компания «камуфляжников» горячо обсуждала-вспоминала события прошедшего вечера. Из обрывков разговора Артём понял, что эти ребята состояли в клубе, объединявшем то ли знатоков военных дел, то ли, наоборот, любителей махровой фантастики, а сейчас следовали по домам со встречи с каким-то популярным писателем.

– Он же совсем простой и открытый! Никакой и не задавака! – искренне восторгался белобрысый высокий парнишка. – Руку мне, даже, пожал! Представляешь, Хан?

– Ты, Хантер, теперь правую ладошку никогда не мой! – насмешливо посоветовал черно-волосый толстячок. – А ещё лучше – перебинтуй в три слоя и старательно обклей пластырем. Правильно я говорю, Сталкер?

– Безусловно! – совершенно серьёзно подтвердила Таня, лукаво посматривая в сторону Артёма.

Когда состав тронулся от «Выборгской», девушка, расстегнув молнию на сумке, достала из неё книжку обычного формата и торжественно объявила:

– Вот, мальчишки сопливые! Пока вы бегали в буфет, чтобы глотнуть пивка, я у Дмитрия взяла автограф. Завидуйте!

– Не может быть! – хором завопили Хан с Хантером. – Заливаешь, Танька! Врёшь всё, как и всегда...

В этот момент поезд резко затормозил и остановился, девушка покачнулась, книга выпала из её рук и заскользила по полу вагона. Артём, поднявшись со своего места, подобрал книгу и, мельком взглянув на обложку, мысленно хмыкнул: – «Дмитрий Глуховский, «Метро 2033». Что же, занятая и – в целом – интересная книжка. Местами совершенно недостоверная, конечно же, но – в общем – ничего. Теперь понятно, что означают приметные значки – в виде буквы «М» – на куртках этой троицы. Да и имена – «Хан», «Сталкер» и «Хантер» – взяты из того же романа Дмитрия Глуховского...».

Он выпрямился и тут же утонул в лукавых тёмно-зелёных глазах.

– Спасибо вам, Артём Петрович, – негромко поблагодарила Таня, забрала книгу и, развернувшись, вернулась к друзьям.

Артём с удивлением понял (ощутил, почувствовал, осознал?), что в его правой ладони – невесть откуда – появился крохотный листок бумаги, сложенный напополам. Он уселся на прежнее место – напротив не прекращавших спорить сектантов – и мельком ознакомился с посланием. Записка содержала номер телефона и короткую фразу: – «Никакого повода для ревности нет. «Сухой» – это моя закадычная подружка Оля».

«Однако, дела! На ходу подмётки режет!», – мысленно восхитился Артём. – «И когда это она успела написать – незаметно для всех – записку? Шустра, чертовка зеленоглазая. Ох, шустра! Такая окольцует – даже оглянуться не успеешь...».

А состав, тем временем, и не думал трогаться с места. Минут через десять-двенадцать вагон наполнился нестерпимой духотой.

– Люди, мы скоро задохнёмся! – занервничал тщедушный мужичок в противоположном конце вагона. – У меня же хроническая астма! Мне нельзя вдыхать спёртый воздух! Кажется, начинается приступ... Помогите, ради Бога! Вызовите Скорую!

– Мужчины, чёрт вас дерит! Откройте, пожалуйста, форточки! – сердито попросила-велела Татьяна. – Хватит сидеть бесполезными истуканами!

Артём послушно поднялся на ноги, отодвинул в сторону одно боковое стекло, второе, третье, непроизвольно приближаясь к «камуфляжникам»...

Неожиданно по ушам ударил длинный надсадный гудок, вслед за ним последовали два коротких.

– Что это такое? – раздалось непонимающие и чуть испуганные голоса.

Вскоре гудки повторились. Артём почувствовал, как на скулах вздулись и забегали – туда-сюда – каменные желваки.

– Артём Петрович, вы знаете, что означают эти сигналы? – тревожно заглянув ему в глаза, спросила Таня.

– Знаю. Да и вы, Таня, должны знать, раз являетесь фанатичной поклонницей творчества Дмитрия Глуховского...

– Не тяните! – мягко попросила девушка. – Расскажите, пожалуйста!

– Только что была объявлена «Атомная тревога!», – хмуро сообщил Артём, после чего неуклюже пошутил: – Все мы имеем прекрасный шанс – испытать по-настоящему все жизненные прелести, описанные в бессмертном романе «Метро 2033»...

– Атомная тревога? – переспросила Татьяна.

– Атомная тревога, атомная тревога..., – зашелестело по вагону.

– Не хочу! Мне страшно! Помогите! Мамочка! – истошно завопил мужчина, недавно жаловавшийся на астму. – Не хочу! Лучше умереть сразу!

– У него пистолет! – раздался громкий женский визг.

– Извините! – Артём бережно отодвинул девушку в сторону. – Я сейчас...

Он решительно зашагал на возбуждённые голоса, чётко помня золотое армейское правило: – «Во время боевых действий любые проявления паники должны пресекаться моментально и безжалостно...».

Хлипкий мужичок, глаза которого были белыми от страха, а на тонких губах бодро пузырилась светло-розовая пена, неуклюже размахивал – во все стороны – травматическим пистолетом.

– Лови, дядя! – бросая в лицо паникёра пластмассовую зажигалку, вежливо предложил Артём.

Дальше всё было просто: прыжок вперёд, резкий рывок на себя, удар ребром ладони по нужной болевой точке, расположенной за ухом объекта. Опустив отобранный пистолет в карман пиджака, Артём бережно пристроил бесчувственное тело на скамейку, стащил со своей шеи галстук, развязал узел и получившимся длинным жгутом умело и крепко примотал кисти рук нервного мужчины к его же лодыжкам.

Снова завывала сирена: один длинный гудок, два коротких.

– Ловко это у вас получилось, профессионально! – похвалила солидная женщина балзаковского возраста в учительских очках, которая до этого тоненько повизгивала. – А меня, молодой человек, зовут Миленой...

Артём коротко откашлялся и громко объявил:

– Внимание! В сложившейся ситуации я вынужден узурпировать власть! Прошу всех вести себя спокойно и достойно, не паниковать и не истерить! Пока очень мягко и любезно прошу... Поймите, что сигнал «Атомная тревога!» ещё ничего – толком – не значит. Это может оказаться обычным плановым учением. Вполне возможно, что – просто-напросто – произошёл нештатный сбой в системах оповещения. Так что, граждане, не надо напрягаться раньше времени...

– А что будет дальше? – слезливо спросила Милена. – Нас ведь не бросят здесь одних, в полутёмном туннеле?

– Конечно же, не бросят! – уверенно пообещал Артём. – В соответствии с профильными инструкциями – во время объявления «Атомной тревоги» – все составы метрополитена должны въехать на территории ближайших станций, или же приблизиться к ним на максимально-возможное расстояние...

Словно бы подтверждая слова Артёма, состав чуть дёрнулся и очень медленно двинулся вперёд.

– Г-г-господа и дамы! Прошу соблюдать п-п-полное спокойствие! – слегка заикаясь, объявил хриплый баритон машиниста. – Через несколько м-м-минут мы прибудем на станцию «Лесная»! Ничего с-с-страшного не произошло! Прошу с-с-соблюдать полное с-с-спокойствие!

– Ага! Значит, всё хорошо! – обрадовалась Милена. – А вы, невежливый гражданин, распустили руки! Вот, безвинного мужчину избили до потери сознания... Придётся теперь вам пообщаться с милицией. Непременно придётся! Я же буду свидетельницей... А как вы,

собственно, хотели, красавчик? С ним приличная дама знакомится, а он – невежа и негодяй – тупо молчит в ответ...

– Артём Петрович, извините! – запоздало отреагировал Артём, а про себя подумал: – «Вряд ли на «Лесной» нас встретит доблестная милиция. И про «всё хорошо» – вряд ли...

Секунд через десять-двенадцать медленно и неотвратно погас свет, по вагону – в крошечной темноте – пробежал ледяной ветер-сквозняк, вслед за тем раздался резкий хлопок. Вагон ощутимо трянуло. Перед глазами поплыли, расходясь широкими кругами в стороны, зелёные, жёлтые и фиолетовые пятна.

Понимая, что теряет сознание, Артём успел подумать: – «Вот, он к тебе и подкрался-подобрался – белый и пушистый песец, про которого рассказывал генерал Громов. Как оно там было? Вспомнить – во всех подробностях – не помешает...».

Как-то поздним летним вечером, за несколько лет до описываемых событий, в купчинской¹ квартире начинающего писателя Артёма Петровича Белова раздался громкий телефонный звонок:

– Надеюсь, узнал? – насмешливо и чуть вальяжно поинтересовался властный голос.

– Конечно же, узнал, Виталий Палыч! – оповестил Артём, стараясь говорить максимально радушно и беззаботно. – Как там ваше здоровье драгоценное? Почки не беспокоят?

– Спасибо, и тебе, Белов, не кашлять! Не подъедешь ли завтра в Контору, часам к десяти утра?

– Так, я же уже, вроде как...

– В отставку вышел? – вкрадчиво уточнил властный голос. – Не бывает в нашей Конторе «бывших»! Бывает – действующий резерв. А ещё – подлые предатели, которые рано или поздно получают пулю в жирный затылок. Или, к примеру, кружку чая с радиоактивными нуклидами... Гы-гы-гы! Тут, уж, как кому, по заслугам его... Ты же, надеюсь, не подлый предатель? Тогда – резервист! Поэтому изволь – завтра прибыть без опозданий! Жду! – в трубке раздались короткие властные гудки...

Сексапильная секретарша с капитанскими погонами на сексапильных плечах, молча, кивнула на приоткрытую дверь, мол, давай, следуй, генерал Громов уже заждался...

Артём осторожно заглянул внутрь кабинета и поинтересовался:

– Можно?

– Проходи, проходи, орёл! – генерал, высунув от усердия на сторону розовый язык, что-то старательно записывал в толстый блокнот.

«До чего же наш Палыч похож на тульский антикварный самовар!» – подумалось некстати. – «Вальяжный такой, бокастый, медальками всё, опять же, облеплено...».

– Выпить хочешь? – неожиданно спросил Виталий Палыч, не поднимая головы от письменного стола.

– Так, понедельник сегодня. Опять же, мне ещё работать надо...

– Забей! Работа – фигня! На данный момент, считай, ты опять находишься на Службе. А какая твоя главная служебная обязанность?

– Родине служить! – вытянувшись в струнку, брякнул Артём первое, что пришло в голову.

– Гы-гы-гы-гы! – жизнерадостно заржал генерал, бросив на стол массивную чернильную ручку, оснащённую золотом пером. – Хорошая шутка! Молодец, Белов! Хвалю! Только нужен ты милой Родине – как прошлогодняя заскорузлая и вонючая портянка. Твоя главная служебная обязанность, – назидательно поднял вверх толстый указательный палец, – беспреко-

---

¹ Купчино – спальный район Санкт-Петербурга.

словно выполнять приказы руководства. Мои, то бишь! Понял, ветошь штатская? Приказываю: – открыть бар, достать оттуда напитки, фужеры и лёгкую закуску. Выполнять, майор запаса!

Они жажнули с Палычем по сто пятьдесят грамм хорошего шотландского вискаря, зажав благородный напиток жареными орешками кешью. Генерал сразу же загрустил, впад в состояние глубокой задумчивости.

– Виталь Палыч! Зачем звали-то? – минуты через две с половиной напомнил Артём о своём существовании.

– А, это ты? – очнулся от тяжёлых дум Громов. – Зачем звал? А хрен его знает, если честно... Действительно, зачем? А, вспомнил-таки! – обернулся и ткнул указательным пальцем в стену за своей спиной: – Видишь что-нибудь, писатель хренов?

Стенка была девственно пуста и чиста, о чём Артём и не преминул честно доложить.

– И я ровным счётом ничего не вижу! Ничего! – недовольно поморщился генерал. – А, ведь, там должно что-то быть? Как мыслишь, Белов?

– Раньше у вас там висел поясной портрет Путина Владимира Владимировича, – осторожно напомнил Артём.

– В этом-то всё и дело, что – раньше – висел! Понимаешь? Вот, для этого я тебя и позвал, чтобы разрешить данный непростой казус... Президент-то у нас нынче другой, Медведев Дмитрий Николаевич. Но и Владимир Владимирович, при этом, является премьер-министром... Усекаешь? Вместе с тем, Путин – для нашей славной Службы – очень много значит... Опять же, вдруг, через некоторое время они в очередной раз поменяются местами? Кого, спрашивается, вешать на стенке? В смысле, чей портрет? Вот, ты и помоги мне – найти правильное концептуальное решение... Значится так, майор Белов! – генерал достал из сейфа и бросил на стол перед Артёмом невзрачный картонный скоросшиватель. – Здесь двести с копейками электронных адресов наших действующих сотрудников, и ещё примерно триста пятьдесят – резервистов, то бишь, бездельников вроде тебя. Если собственных мыслей маловато, то оперативно проведи ведомственный конкурс – относительно разрешения данной портретной проблемы... При этом обязательно учти, что стенок в стандартном кабинете – больше одной. Если кабинета нет, конечно же, не овальный... Гы-гы-гы! Приз победителю – ящик контрабандного виски и медалька «За заслуги перед отечеством»... Понял поставленную задачу? Две недели тебе, братец, на всё про всё! Свободен! Выполнять! Э-э, стой! А ещё – по сто пятьдесят?

Конкурс был успешно проведён, и ровно через две недели Артём опять сидел в кабинете бывшего начальника.

– Что так нагло улыбаешься, отставной майор? – хмуро и недоверчиво прищурился генерал. – Выпить, наверное, хочешь, гнида штатская? Сегодня не выгорит тебе, настроение у меня нынче – сугубо хреновое, не с той ноги, понимаешь, встал утром. Докладывай всухую, родимый...

Сглотнув слюну, Артём достал из видавшего виды портфеля три фотографии, размещённые в квадратные рамки, и выложил их на стол.

– Вот, Виталий Павлович, эта – предлагается на заднюю стену.

На фото стояли обнимающиеся Владимир Владимирович и Дмитрий Николаевич. Великие руководители ласково и мужественно улыбались, крепко сжимая в руках, свободных от объятий, горные лыжи. Визуально Медведев был выше Путина сантиметра на два-три.

– Блеск! – искренне восхитился генерал. – То, что старенький и пьяненький доктор прописал! Так, а что на правую стенку?

– Предлагается повесить данный коллаж, – Артём аккуратно пододвинул по столешнице вторую рамку.

Коллаж был выполнен мастерски: Спасская башня Кремля с рубиновой звездой, а рядом с ней – здание Адмиралтейства со знаменитым корабликом на позолочённом шпиле. Склады-

валось устойчивое впечатление, что на картинке был изображён единый архитектурный комплекс, выстроенный по чьему-то гениальному замыслу.

– Полный отпад! – довольно улыбнулся Палыч. – Третью давай!

На третьей фотографии красовался непрезентабельный мужчинка: средних лет, коротко стриженный, в чёрных очочках, с презрительно сжатыми – в бесцветную нитку – тонкими губами.

Чёрные кустистые брови генерала удивлённо поползли вверх:

– Это что ещё – за хрен с безымянной горы? Я лично знаю в лицо всех значимых – и отечественных, и зарубежных – рыцарей плаща и кинжала. Не, этот фраер будет не из наших... Кто таков?

– Александр Александрович Бушков! Любимый писатель Владимира Владимировича и Дмитрия Николаевича!

– Точно знаешь? Проверенная информация?

– Абсолютно! И тот, и другой в своих речах постоянно цитируют Бушкова. Даже, если говорят своими словами, то стиль – несомненно – «бушковский». Гадом буду!

– Будешь, если прикажу! – ласково усмехнулся генерал и уверенно нажал пальцем на круглую красную кнопку, вмонтированную в столешницу: – Катенька, солнышко ясное, зайди, пожалуйста!

– Звали, Виталий Павлович? – в приоткрытых дверях показались круглые и аппетитные, загорелые – до полного сумасшествия – колени...

– Конечно, звал, дорогая моя! Вот, тебе три картинки в рамках, необходимо их размножить – по количеству кабинетов в нашей Конторе. Только с размерами надо правильно сообразить... Мне всю эту благодать укрупни раза в три, полковникам – в два, всем остальным так оставь, перебьются...

Звонко процокали высокие каблочки, захлопнулась дверь.

– Видал? – молодежато подмигнул генерал. – Вот, какие кадры растим! Завидуешь? Слюнки потекли? То-то же! А ты, дурик, на гражданку свалил... Говорят, известным писателем заделался? Мол, целых две книги вышло? Ох, уж, эти писатели! Иногда такого насочиняют – хоть стой, хоть падай. Они, морды интеллигентные, нафантазируют всякого и разного, а ты после разбирайся. В смысле, тщательно проверяй и перепроверяй, усердно ища – так называемое – рациональное зерно... Ладно, а за проведённый конкурс – спасибо тебе, братец! Выручил! Ты, соответственно, и объявляешься его единственным победителем. Вот, тебе медалька, а вот, и ящик с ирландским вискарём. Заслужил, владей! Ну, что, по сто пятьдесят? Не, в этот раз ты проставляйся, из призовых.... Предлагаю выпить – за наших славных и безупречных руководителей! Так, майор, срочно приготовь чистый носовой платок. Я сейчас плакать буду – от умиления бесконечного... Гы-гы-гы!

Жахнули, понятное дело, ясен пень. Ещё – жахнули...

– Не надумал, часом, возвращаться в наши славные Ряды? – лукаво поинтересовался генерал. – Напрасно, родной. Ох, напрасно! Сейчас я тебе одну байку перескажу – от контр-адмирала Фёдора Головина. Знаешь такого морского орла? Ах, да! Ты же с ним года три тому назад плавал к чилийскому побережью. Как же, знаменитейшая операция «Гаучо-2»! Наслышан... Ладно, рассказываю байку. Жила-поживала в порту датского города Копенгагена чайка по имени, э-э-э, кажется, Джонатан Ливингстон... Ага, вроде бы так её звали... Причём, эта чайка не просто так жила, а состояла на Службе. То есть, своевременно извещала моряков о грядущей непогоде. Когда приближался сильный шторм, то этот самый Джонатан начинал над волнами низко летать и орать – со всей дури – противным голосом, мол: – «Ждите, люди, непогоду! Не выходите в открытое море!». За это смотритель маяка чайку кормил (в меру, конечно же!) мороженой рыбой, отгонял от её (от его?) гнезда кошек, мальчишек и прочих коварных недоброжелателей... Не жизнь, а малина спелая! Живи и в ус не дуй. Служба, одним словом...

Нет же, начал наш Джонатан задумываться о смысле жизни, мол: – «Свободы катастрофически не хватает! Рыба мороженная, да и маловато её будет. Маловато!». Короче говоря, один раз неблагодарная чайка поднялась на крыло и улетела на северный архипелаг Шпицберген. А там – полная лафа! Раздолье бесконечное! В смысле, свободы – хоть задницей ешь. Ну, и рыбы разной свежей – без счёта... Обожрался глупый Джонатан халявной рыбёхой до полной невозможности, да и пристроился покемарить на ближайшей базальтовой скале. Тут-то он и подкрался к Ливингстону – белый и пушистый песец... Понимаешь, майор, о чём я тебе толкую? Гы-гы-гы!

– Угрожаете, наверное, – тоскливо предположил Артём.

– Ничуть не бывало! – заверил Виталий Павлович, подпустив в глаза ленинской хитринки. – Просто знакомлю с азами армейской философии, не более того... Кто же героя заслуженного пальцем тронет? Не смотря, даже, на то, что ты ознакомлен со всеми секретными адресами электронной почты наших сотрудников... Тем более что ты не предатель подлый, а дисциплинированный резервист... Ведь, резервист?

– Резервист, – тяжело вздохнув, подтвердил Артём.

– Ладно, орёл небесный, свободен! – нагло ухмыльнулся генерал. – До поры, до времени, ясен пень. А с конкурсом-то этим ты, дорогой мой, лоханулся – как сопливый пятилетний мальчишка. Кому – из по-настоящему опытных людей – нужен груз излишних секретных знаний? Вот, то-то же... Э, стой! А ещё – по сто пятьдесят?

Глава вторая

Новый дом

«Ну-ну, уважаемый Виталий Павлович! К кому подкрался ласковый и пушистый песец – это ещё большой вопрос!», – ехидно хмыкнул про себя Артём и открыл глаза. – «Я-то, судя по ощущениям, ещё жив. А, вот, что стало с вами, господин генерал? Успели спуститься в подземное убежище? Не успели?».

Лампы внутри вагона светили, дай Бог, только в четверть обычного накала, двери были раскрыты.

– Ага, перрон освещён красноватым маревом-полумраком, – констатировал Артём, поднимаясь на ноги и осторожно выглядывая из вагона. – Скорее всего, состав прибыл на станцию «Лесная», – он достал из кармана пиджака мобильный телефон, набрал знакомый номер, поднёс трубку к уху и недовольно покачал головой: – Нет связи, мать её... Чёрт побери! А где же моя Таня?

Артём запихал бесполезный телефон обратно в карман и, слегка покачиваясь и аккуратно переступая через лежащие на полу неподвижные тела, пошёл по вагону, тихонько бормоча под нос непривычно сухими губами:

– Она была одета в куртку цвета хаки – с бурыми и тёмно-зелёными пятнами. А ещё – приметные тёмно-синие банты с чёрными горошинами... Ага, вижу камуфляжную спину...

Перевернув человека в камуфляже, он расстроено поморщился:

– Это, всего лишь, Хан. Впрочем, живой, что уже совсем неплохо... А, вот, и Хантер сидит на скамье, как ни в чём не бывало. Правда, пребывая без сознания...

– Тёма! – раздалось рядом. – Ты где? Помоги, пожалуйста...

– Здесь я, Танюша! – обрадовался Артём. – Уже иду!

«Надо же, уже – «Тёма»! Офигеть можно запросто!», – проснулся недоверчивый внутренний голос. – «Прямо какой-то слезливый южноамериканский сериал о безумной любви с первого взгляда. Правда, о любви – на фоне ядерной войны...».

Он помог девушке подняться на ноги, нежно провёл пальцами по бледной щеке, внимательно посмотрел в тёмно-зелёные глаза и выдохнул с беспокойством:

– Ты как? В порядке?

– В полном! – хриплым голосом заверила Татьяна и лукаво улыбнулась: – Мы уже перешли на «ты»?

– Вы же первая...

– Не обращай внимания, глупый! Я же просто пошутила... Конечно, на «ты»! Я – Таня. Ты – Тёма... А что подумают посторонние – наплевать и растереть! Договорились? У тебя, случайно, не найдётся чего-нибудь попить? В горле ужасно пересохло.

– Договорились. А попить – нет ничего...

– Где мы сейчас находимся? – девушка насторожённо завертела головой по сторонам. – Что это за красный свет? Что, вообще, произошло?

– Да, что произошло? – приподнялась над полом черноволосая растрёпанная голова Хана. – И к чему нам теперь готовиться? К концу Света?

– Можно, я отвечу – по мере поступления вопросов? – мягко улыбнулся Артём. – Спасибо, друзья! Во-первых, визуально мы сейчас находимся на станции метро «Лесная». По крайней мере, облицовка стен и общий декор соответствуют. На противоположной стороне перрона стоит ещё один подвижной состав с открытыми дверями... Во-вторых, на станции включено экстренное аварийное освещение, а мобильная связь, наоборот, отсутствует. В-третьих, судя по всему, на поверхности, всё же, рвануло...

– Как это – рвануло? – приоткрывая глаза, неуверенно уточнил Хантер. – Вы хотите сказать, что, что...

– Что наверху разорвался мощный ядерный заряд. Причём, с эпицентром в центре города. Звуковая волна добралась и под землю. Поэтому мы все на некоторое время и потеряли сознание. Вернее, это я так предполагаю, хотя могу и ошибаться...

– Как же так, мамочка моя?! – зазвенел на весь вагон истеричный женский голос. – Ужас-то какой, Господи...

– Отставить! Немедленно прекратить истерику! Расстреляю всех паникёров к такой-то нехорошей матери! – от души гаркнул Артём и продолжил уже самым обычным голосом: – Отвечаю на последний заданный вопрос. То бишь, о том, что нам делать дальше... Первым делом, поможем остальным пассажирам состава. Вдруг, кто-нибудь из них серьёзно пострадал во время последних событий? А потом будем ждать появления дежурных или, даже, спецкоманды.

– Какой спецкоманды? – удивилась Татьяна. – Откуда? Сверху? Так, ведь, там рвануло! Сам же говорил...

– Обычной специальной команды, мой храбрый Сталкер! – успокаивающе подмигнул Артём. – На каждой станции метрополитена – в мирное время – круглосуточно дежурят два-три специально обученных сотрудника из ФСБ. Если же, ожидается начало активных военных действий, то на смену «фээсбэшникам» приходят бойцы из легендарного ГРУ. В такой период (при объявлении максимального «тревожного уровня») на каждой станции предусмотрено присутствие военного коменданта – на случай внештатных ситуаций, оговорённых специальными инструкциями. Ну, а любому серьёзному коменданту – по его высокой должности – полагается и некоторое количество дисциплинированных подчинённых...

– Где же эта, так называемая спецкоманда располагается? – подключился к разговору дотошный Хан. – И почему она, то есть, команда, не появилась до сих пор?

– Все станции российского метрополитена оборудованы целой кучей вспомогательных и подсобных помещений. В том числе, и совершенно секретными, снабжёнными отдельными входами-выходами. То есть, всякими складами, кухнями, котельными и командными пунктами... Почему господин военный комендант (или же штатный «фээсбэшный» дежурный?) до сих пор не предстал пред нашими светлыми очами? Очевидно, из-за тех же строгих и подробных инструкций. Наверное, полагается выждать – после ядерного взрыва – определённое количество времени, и только после этого выходить на перрон...

Таня плавно опустилась на колени и горько зарыдала:

– У меня же там, наверху, мама осталась, – проговорила она сквозь слёзы. – И братишка маленький..., и подружки...

Со всех сторон послышались аналогичные звуки – придушённые всхлипы и жалостливые причитания.

«Видимо, народ окончательно въехал в тему», – понял Артём. – «Мне-то гораздо проще. Круглый сирота, как-никак. Ни жены, ни детей. Всегда думал, что это очень плохо... А теперь?».

Он присел на корточки рядом с Татьяной и, шепча успокаивающие слова, бережно обнял её за хрупкие плечи. Девушка доверчиво спрятала заплаканное лицо у него на груди...

Неожиданно с платформы долетела странная песенка на незнакомом языке, до краёв наполненная вселенской скорбью и, вместе с тем, бесконечной надеждой на светлое будущее.

– Что это такое? – забеспокоился Артём.

– Наши секстанты по самому центру перрона попадали на колени, бьются лбами об пол и творят молитвы, – пояснил вернувшийся с перрона Хан, и неожиданно предложил: – Надо бы им того, э-э-э, морды начистить наглые. Типа – пока не скрылись-испарились...

– За что – морды набить? – опешил Артём. – И куда это они должны скрыться? Зачем?

– Ну, как же... Ведь, сектанты – непременно – захотят нашу станцию метрополитена взять под свой полный контроль. Если не эту, так другую... И фашисты захотят, и коммунисты, и военные...

– А, это ты книжек Дмитрия Глуховского начитался! – понятливо усмехнулся Артём. – Не торопись, братец! Как оно будет на самом деле – никто не знает. Пока, по крайней мере... Кстати, а как там ведут себя бритоголовые отморозки? Не собираются ли, часом, нападать на зенитовских фанатов? Что, вообще, делается на перроне? Ну, в плане общей обстановки?

– Пока дракой не пахнет, – пожал плечами Хан. – Фашисты столпились возле металлического щита, который перегородил вход на эскалаторы. Руками его щупают, ногами пинают, задумчиво чешут в бритых затылках... Общая обстановка? Могу охарактеризовать кратко – всеобщая и всеобъемлющая растерянность. Похоже, что никто ещё толком не осознал, что же произошло на самом деле – в плане масштабности. А те немногие, кто всё понял, рыдают, естественно.

– Но и в истерике пока никто не бьётся, – заглянул в вагон белобрысый Хантер, который, очевидно, являлся оптимистом по жизни. – Знать, живёт в людях надежда на лучший исход. Ведь, официальных заявлений от властей пока не последовало. Так что, ещё можно уповать на чудо... А мои предки уехали в Новгородскую область, к дедушке с бабушкой, – пояснил причину своего спокойствия. – Хан же у нас, и вовсе, иногородний, родом из далёкой приволжской деревушки... А не угостите ли, соратники, какой-нибудь жидкостью? Пить ужасно хочется...

Тоненько завывла негромкая сирена, раздался дальний металлический скрип-скрежет.

– Ага! – оживился Артём. – Похоже, что господин военный комендант с подчинёнными вылезают на свет Божий. Пора бы уже..., – осторожно тронул девушку за плечо и спросил: – Таня, ты как? Оклемалась немного?

– Всё в порядке, – бесцветным голосом сообщила Татьяна, поднимаясь на ноги. – Не беспокойся, Тёма. Я сильная. Как-никак, Сталкер... И, кроме того, учусь на втором курсе Первого Меда. То бишь, будущий хирург. Может, пригожусь. В смысле, принесу пользу... Пойдём?

– Подожди пару секунд. Я только нашего нервного астматика освобожу от галстучных пут...

Из туннеля на перрон – со стороны металлического щита, перегородившего выход на земную поверхность – по короткой лесенке выбирались люди.

– Их там много! – сообщила Татьяна, которую Артём посадил себе на плечи, чтобы она могла наблюдать за происходящим через головы столпившихся на перроне пассажиров. – Человек шесть-семь в чёрно-сером камуфляже, с коротенькими автоматами в руках. Ещё трое – в светло-зелёных халатах, наверное, медперсонал. А где сам господин военный комендант? Он же, по идее, должен как-то выделяться из общей массы?

– Сейчас, скорее всего, последует первое официальное обращение к народу, – предположил Артём. – Будут взывать к пониманию, спокойствию и проявлению гражданской сознательности. Кстати, на перроне сейчас находится порядка двухсот пятидесяти человек. Управлять такой разномастной и перепуганной толпой – куда как непросто...

Он оказался прав, через полминуты мужественный голос, многократно усиленный громкоговорителем объявил:

– Уважаемые россияне, сограждане! С вами говорит военный комендант станции «Лесная», подполковник Мельников Борис Иванович! Прошу вас всех соблюдать спокойствие! Возможно, что к нам уже направляются спасатели! Возможно... Сейчас мои люди окажут необходимую медицинскую помощь всем, кто в ней нуждается. В том числе, предложат принять успокоительную настойку. Это дело сугубо добровольное, но попрошу всех проявить гражданскую сознательность (Татьяна ехидно хмыкнула), и не отказываться... Поймите меня правильно, сограждане! Это, в первую очередь, необходимо вам самим! Кому, спрашивается,

нужна массовая истерия? Правильно, никому не нужна! Отказавшиеся же от целебной микстуры будут считаться провокаторами! Такие личности не подлежат постановке на продуктивное довольствие! Понимаете меня, россияне? Не подлежат постановке на продуктивное довольствие! Поэтому, будьте сознательными! Зачем кормить провокаторов и несознательных психов? Правильно, незачем! А после этого, примерно через сорок минут, я вам подробно доложу о сложившейся ситуации... Прошу вас отнестись к моей просьбе с пониманием! Заранее – всем – спасибо!

Артём присел на корточки, давая возможность Татьяне слезть с его плеч, после чего выпрямился и поделился с окружающими своими соображениями:

– Очень похоже, что они ожидали... То есть, всю готовились к серьёзной войне...

– Почему вы так думаете? – уточнил педантичный Хан.

– Слишком много народа входит в спецкоманду, – пояснил Артём. – Причём, подозреваю, что это далеко не все. Следовательно, наши уважаемые власти предполагали, что события будут развиваться «по пиковому» сценарию, включающему в себя разные гадости...

– Точно, вон ещё трое «чёрно-серых»! – сообщила Таня, указывая в противоположный – относительно металлического щита – торец зала. – Что это они там монтируют?

– Похоже на кафедру для служителей культа, – пошутил легкомысленный Хантер. – Наверное, нам сейчас сектанты будут читать нудные проповеди. О тщете земного бытия и о вреде греховных помыслов, не иначе...

– Это самая обычная трибуна, – невесело хмыкнул Артём. – Очевидно, господин военный комендант будет лично выступать перед недоверчивыми народными массами.

– Зачем – выступать? – преданно заглянула ему в глаза Татьяна.

– Так полагается, радость моя. Считается, что именно живое общение с подчинёнными способствует лучшему взаимопониманию. Глаза в глаза, образно выражаясь. Мол, надо быть ближе к народу, и люди – непременно – потянутся к тебе. Азбука современного и успешного бизнес-руководителя. А российское ГРУ всегда старается шагать в ногу со временем, этого у него не отнять...

Помявшись секунд десять-двенадцать, Хан, всё же, спросил, жадно облизывая сухие губы:

– Извините, Артём Петрович, но... Вы с Танюхой давно знакомы?

– Получается, что один час и пятнадцать минут, – ответил Артём, посмотрев на наручные часы, и тут же нахмурился: – Ерунда какая-то, ребятки, получается.

– Что такое?

– Выходит, что мы все находились в бессознательном состоянии примерно пятьдесят пять минут... Может такое быть, товарищ будущий эскулап? В смысле, от удара звуковой волны?

– Вполне, – утвердительно кивнула головой Таня. – Влияние звуковых волн на человеческий мозг изучено ещё достаточно поверхностно...

– А, всё же, – не сдавался упрямый Хан. – Не верится мне, что вы, Артём Петрович, познакомились с нашим Сталкером только сегодня. То есть, уже вчера... Общаетесь, ну, прямо как...

– Как – кто? – заинтересованно промурлыкала Татьяна.

– Ну, как жених и невеста...

– Обычная любовь с первого взгляда, – объявила девушка с бесконечно важным и довольным видом. – Правда, ведь, Тёма?

– Правда, – совершенно серьёзно подтвердил Артём, и после короткой паузы добавил: – И поженимся – при первой же возможности. Военный комендант, надо думать, полномочен регистрировать браки.

Через некоторое время к ним приблизился пожилой дяденька в светло-зелёном халате, нёсший в руке тёмно-коричневый кожаный саквояж. Вслед за доктором шествовали два бойца в серой форме без каких-либо знаков различия, поверх которой было надето по чёрному бронежилету. На головах солдат красовались чёрные шлемы-маски (скрывающие лица до ртов) с узкими прорезями для глаз, на ногах – массивные чёрные ботинки с высокой шнуровкой.

«Скорее всего, родимые «грушники»², не иначе», – мысленно предположил Артём и старательно прислушался: – «Учитывая относительную тишину в зале, приём успокаивающей микстуры проходит без серьёзных эксцессов. Хотелось бы воздержаться, понятное дело, от употребления данного снадобья. Чисто на всякий случай...».

Первый боец крепко сжимал в ладонях короткий автомат неизвестной Артёму модели – с толстым чёрным цилиндром глушителя на стволе. Второй же, небрежно закинув автомат за спину, нёс в одной руке большую стеклянную бутылку со светло-жёлтой жидкостью, а в другой – стопку пластиковых стаканчиков.

Неожиданно «чёрно-серый», тот, который был с бутылкой, обрадовано произнёс:

– Артём Петрович, товарищ майор! Сколько лет, сколько зим! Вот, так встреча! Не узнаёшь меня?

– Как же я тебя узнаю – в этой страхолюдной маске? – удивился Артём. – Впрочем, погоди, погоди! Голос, действительно, знакомый... Лёха Никоненко, что ли?

– Лёха! – восторженно подтвердил боец, со стуком ставя бутылку на пол. – Помнишь, как мы с тобой славно кувыркались в..., э-э-э, в одной южной и очень беспокойной стране? Давай лапу, бродяга!

Обмениваясь с Никоненко крепким рукопожатием, Артём чуть слышно прошептал:

– Избавь от этого пойла. Меня и девушку с бантиками...

– Понял, сделаю, – пообещал бывший подчинённый.

– Здравствуйте, товарищи! – вежливо поздоровался старенький доктор. – Будете принимать успокаивающее лекарство? Не придётся тратить время на долгие уговоры? Молодцы, товарищи! Сейчас мои, э-э-э, ассистенты предложат вам по дозе, извините, по порции... Если понравится, то всегда можете обращаться ко мне, буду рад посодействовать...

Лёха извернулся ужом, прикрывая широкой спиной Артёма и Таню, в результате чего у них в руках оказались пустые стаканчики. Артём, браво подмигнув нежданной невесте, поднёс край пластмассовой ёмкости к губам, запрокинул голову вверх и жадно зажёг кадыком. Девушка, удивлённо похлопав длинными ресницами, последовала его примеру.

– Вкусная штукавина! – одобрил Хантер. – В меру сладкая, с лёгкой приятной кислинкой. И, главное, отлично утоляет жажду.

– Просто замечательная вещь! – тяжело вздохнув, подтвердила Татьяна и посмотрела на врача «честными» глазами. – А можно добавки, коллега? Так сказать, по корпоративному благу. Я, видите ли, учусь на втором курсе Первого Меда...

– Василий Васильевич Фёдоров! – представился доктор, широко улыбаясь в густые седые усы. – Это очень хорошо, что вы, милая девушка, имеете прямое отношение к медицине. Значит, будем работать вместе! А, что касается добавки... Надо сделать небольшой перерыв. Ну, скажем, часов на пять-шесть. Кроме того, существуют определённые ограничения. Например, заболевания сердечнососудистой системы, опорно-двигательного аппарата, беременность... Потом поговорим более подробно. Что до обычной воды, то скоро все получат по литровой бутылке. Ну, всех благ, дорогие товарищи! Держитесь! Всё будет хорошо...

Врач и два его «ассистента» проследовали дальше.

– Ещё увидимся, командир! – тепло попрощался Лёха. – И Борис Иванович будет рад! Ты же знаком с ним?

---

² «Грушники» – имеется в виду – сотрудники ГРУ (Главного Разведывательного Управления).

– Вместе когда-то получали майорские погоны. Значит, будет, что вспомнить...

Таня посмотрела на него с удивлением.

– Так ты – военный? – спросила, задумчиво склонив голову на бок. – Следовательно, мне придётся последовать за тобой в какой-нибудь дальний, Богом забытый гарнизон? Нет-нет! Ты, пожалуйста, не думай всякого... Я согласна! Поеду, хоть на край земли! Муж – офицер, жена – доктор... Это нормально! Только у меня незаконченное высшее образование. Ничего, фельдшером, наверное, возьмут... Ведь, возьмут?

– Я уже несколько лет, как вышел в запас, – успокоил девушку Артём. – Живу в Питере, в обычной купчинской двушке. На хлеб с маслом зарабатываю писательским трудом. Конечно же, я не такой известный писатель, как ваш любимый Дмитрий Глуховский, но, всё же... В том смысле, что денег на скромную жизнь хватает. Не жалею. Правда, и разносолов не обещаю. Как и регулярных поездок на навороченные зарубежные курорты...

– Писатель?! – восхитилась девушка. – Как здорово, Тёма! А что ты написал? И какая у тебя фамилия?

– Белов! – озвучил фамилию Артём, а также сообщил названия своих книжек, вышедших в нескольких крупных издательствах.

– Читала, знаю! – обрадовалась Таня. – И фамилия у тебя хорошая. В том смысле, что и мне подойдёт...

– Книжки-то... Как они тебе? Понравились?

– Знаешь, в общем и целом, ничего. Но есть и мелкие недоработки. Динамики, на мой скромный взгляд, маловато. И главные герои – во всех твоих романах – какие-то избыточно-правильные... Ты только, ради Бога, не обижайся! А можно, мы будем вместе писать? Возьмёшь меня в полноправные соавторы?

– Возьму! – твёрдо пообещал Артём. – Более того, предлагаю написать совместный роман в жанре авантюрного детектива с элементами крутого боевика.

– Про что?

– Да, про всё это! – он сделал рукой широкое круговое движение. – Про нашу неожиданную встречу. Про это метро, освещённое красными лампочками... Согласна?

– Он ещё спрашивает! – Таня привстала на цыпочки и, крепко обхватив ладонями его шею, поцеловала в губы...

Девушка ещё щебетала о чём-то важном, но Артём почти не слушал, заинтересованно оглядываясь по сторонам.

«Как-то подозрительно тихо и спокойно вокруг», – шустрой мышкой пробежала в голове тревожная мысль. – «И Хан с Хантером странно себя ведут. Тут такой, понимаешь, интересный разговор, а они не вмешиваются, спинами развернулись и застыли каменными изваяниями. Нетипичное поведение для этих любопытных шустриков...».

Он обошёл Таниных приятелей и взглянул на их лица.

«На губах застыла радостная и глупая улыбка, взгляды у обоих неожиданно-благодные и какие-то заторможенные», – отметил внутренний голос. – «Это, скорее всего, начала действовать хитрая успокаивающая микстура старенького доктора...».

– Может, это солнышко взошло? – негромко спросил Хан.

– Не, скорее всего, Луна, – так же непонятно ответил Хантер, тыкая пальцем в конец зала, где «серо-чёрные» заканчивали возведение трибуны.

Артём посмотрел в указанном направлении. На дальней стене – между полом и потолком – горела круглая, бледно-жёлтая лампа, светящая очень мягким и приятным светом.

– Надо же, никогда не думал, что лампы дневного света бывают круглыми, – пробормотал он себе под нос. – Наверное, новая разработка. Причём, не иначе, тоже хитрая. Может, даже, с успокаивающим эффектом...

Подошла Татьяна, громко пощёлкала – перед глазами своих приятелей – пальцами, обеспокоенно спросила:

– Да, что с вами такое, пацаны? Умом тронулись?

– Всё хорошо и просто замечательно, – вяло откликнулся Хан. – Никаких проблем и претензий. Ждём, что будет дальше. В том числе, приказов станционного начальства и обещанной воды.

– И ни капли не волнуемся, – поддержал его Хантер. – Скоро появится военный комендант Мельников. Разъяснит ситуацию. Скажет, что делать дальше. Завалы там разбирать, или ещё что...

Таня отвела Артёма в сторону и жарко зашептала в ухо:

– Ты знал, что эта микстура такая сильная? Что она так действует на человеческую психику? То есть, многократно затормаживает поток сознания и полностью гасит волю?

– Нет, конечно же, – передёрнул он плечами. – Но догадывался, что присутствует некий коварный подвох... Впрочем, существует золотое неписаное правило спецназа, которое гласит: – «На ключевые операции всегда надо выходить с абсолютно «чистой» головой...». То есть, без всякого допинга – наркотического там, или алкогольного... В пиковых раскладах всегда надо держать ухо востро и бдить неустанно. А, вот, расслабляться – категорически запрещается! Как и думать о разных посторонних вещах, напрямую не связанных с выполнением задания. Иначе, шансы – вернуться живым – катастрофически уменьшаются...

– Значит, «ключевая операция» и «пиковый расклад»?

– Очень похоже на то, – признался Артём и обеспокоенно спросил: – А ты как себя чувствуешь? Может, стоит, всё же, глотнуть местного лекарства?

– Не надо, – нахмурилась Татьяна. – Я помню, что у меня погибли мама и братишка. Но... Сам же только что говорил, мол: – «Надо иметь абсолютно «чистую» голову и не думать о посторонних вещах, не имеющих прямого отношения к пиковой ситуации...». Мол: – «Если хочешь остаться в живых...». А я очень хочу! Замуж хочу выйти за тебя, детишек родить... Тёма, а мы долго здесь будем...находиться?

– Думаю, что долго. Теперь эта станция – наш с тобой новый дом.

Вскоре вновь ожил громкоговоритель, и мужественный голос жизнерадостно оповестил:

– Уважаемые россияне! С вами говорит военный комендант станции «Лесная», подполковник Мельников Борис Иванович! Во-первых, большое всем спасибо за понимание, проявленное при приёме лекарственного препарата! Во-вторых, как я и обещал, скоро состоится общее собрание нашего коллектива. Попрошу всех – минут через семь-восемь – подойти к трибуне. Не толкайтесь, пожалуйста! Пропускайте в первые ряды женщин, детей и стариков...

Глава третья

Кровавые непонятки и пространные разговоры

Громкоговоритель, солидно кашлянув на прощанье, замолк.

– А не подойти ли нам, любопытные мои соратники, к металлическому щиту, перегородившему вход на эскалаторы? – предложил Артём. – Посмотрим, полюбопытствуем, потрогаем руками, а после уже направимся к трибуне и послушаем выступление подполковника Мельникова. Какие там – семь-восемь минут? Знаю я, как такие собрания проходят! Пока все соберутся, пока места козырные поделят. Тем более, что после приёма хитрой микстуры все тормозят непроизвольно... Пошли?

– Без проблем! Я с тобой! – откликнулась Таня.

– Нет, к щиту я не пойду, – желчно пробурчал Хан. – Лениво как-то. Да, и господин военный комендант не отдавал такой команды.

– Мы лучше присмотрим место для костра, – сонно зевнул Хантер. – Конкуренты не дремлют...

– Какого костра? – удивился Артём. – А, конечно... У Глуховского же на всех станциях горели многочисленные костры. Понятное дело. Ищите, орлы, ищите. Выбирайте – без излишней суеты и спешки...

Они, взявшись за руки, двинулись в сторону металлического щита, ловко лавируя между пассажирами, идущими в противоположном направлении, к возведённой трибуне.

– Все такие неправдоподобно спокойные, – в полголоса комментировала Татьяна. – Лица одухотворённые, гладкие, почти без морщин. А глаза – как у усталых коров после дойки. Я видела у бабушки в деревне... Сильная эта микстура, ничего не скажешь. Действенная и эффективная... А ты, Тёма, получается, служил в хитрых и особенных войсках? В ФСБ, в ГРУ?

– И там, и там, – признался Артём. – И ещё кое-где... Так что, боевая подруга, тебе крупно повезло.

– Почему это?

– Потому. Я – с моими знаниями и опытом – имею все шансы стать со временем местным вождём. Не здесь, так на другой станции. А быть женой вождя (или там начальника, князя, предводителя, председателя) – дело прибыльное и однозначно сладкое, как не крути...

– Шутник ты у меня! – довольно фыркнула девушка. – Хотя, если посмотреть с другой стороны, быть княгиней, наверное, очень занятно и интересно. Пусть и подземной княгиней...

Навстречу им прошествовала стайка фашистов. Бритоголовые юнцы, смешно сгорбившись и опустив руки – словно плети – вниз, широко улыбались, загадочно блестя ласковыми глазами.

– Здрасьте вам! – проходя мимо, смущённо поздоровался здоровяк Борман. – Извините меня, пожалуйста, за недавнюю грубость. Был неправ. Погорячился немного. Больше такого не повторится.

– Да, некоторым личностям и в мирное время было бы не вредно принимать армейские лекарства, – задумчиво покачал головой Артём. – Глядишь, и кривая подростковой преступности поползла бы неуклонно вниз...

– Тёма, а почему – жидкость? – заинтересовалась Татьяна. – Таблетки же, они гораздо удобнее для использования.

– Не скажи! Таблетку запросто можно спрятать за щеку, а потом незаметно выплюнуть. А здесь – пить надо. Обмануть врача, в данном случае, очень трудно. Хорошо, что Лёха нас прикрыл спиной... А, вообще, они всё здорово придумали. Человеку, измученному жаждой, очень трудно отказаться от жидкой микстуры.

У стального щита было безлюдно, весь станционный коллектив уже отбыл к трибуне, заторможено ожидая судьбоносной информации.

– Солидная вещь! Блестящая такая, гладкая, прохладная! А я почему-то была уверена, что этот щит обязательно должен быть ребристым. Или, на крайний случай, рифленным, – одобритительно покачала головой Таня и тут же жалостливо охнула: – Тёма, смотри! Там же... Нога лежит...

Створки щита намертво сошлись посередине туннеля, ведущего к земной поверхности, образовав чуть заметный вертикальный шов. И на каменном полу зала – напротив этого шва, в большой луже тёмно-бурой крови – лежала человеческая нога. Вернее, только её часть, перекушенная (отрезанная, отрубленная, отсечённая?) в голени: чёрный модельный ботинок и полоса тёмно-коричневых брюк – с ярко-красной мякотью и белым костяным кольцом-овалом внутри.

– Кому-то крупно не повезло, – мрачно резюмировал Артём. – Спрашиваешь, как это произошло? Обыкновенно, моя ласточка. При сигнале «Атомная тревога!» все эскалаторы метрополитена начали – как и предусмотрено инструкциями – работать сугубо на спуск. Потом кто-то нажал на кнопку, запускающую в действие запорный щит. Или же соответствующий сигнал поступил с земной поверхности. Данный бедняга, очевидно, занервничал и, потеряв ориентацию в пространстве, упал. Может, даже, потерял сознание, ударившись головой о пол. Вот, и все дела...

– А где же..., остальное тело?

– Наверное, до сих пор лежит по ту сторону щита. Если, даже, этот человек до сих пор жив, то мы не услышим его предсмертных стонов. Щит-то очень толстый, да и запирается он абсолютно герметично.

Татьяна присела на корточки возле обрубленной ноги и внимательно осмотрела срез, предварительно оттянув остатки брючины, после чего бестрепетно коснулась подушечкой указательного пальца кровавой лужицы и поднесла палец к глазам.

«Будущая врачиха, как-никак!», – уважительно пояснил внутренний голос. – «Поэтому и не боится крови. Да, наверное, и трупов...».

Девушка поднялась на ноги, тщательно обтёрла испачканный палец о собственные штаны и удивлённо протянула-пробормотала:

– Да, однако, дела! Интересные такие, непонятные насквозь...

– Что такое? – насторожился Артём.

– Понимаешь, Тёма, тут наблюдается такая ярко-выраженная странность. Практически – головоломка... По расчётам получается, что данную ногу створки щита перекусили часа полтора назад. Плюс-минус пятнадцать минут. А по всем внешним признакам выходит...

– Продолжай, продолжай!

– Выходит, что всё это случилось сутки назад. Может, даже, и немногим поболее.

– Точно? Не ошибаешься?

– Обижаешь, гражданин начальник! – совершенно по-детски надулась девушка. – Я же круглая отличница. Краса и гордость всего курса. Многократная победительница самых различных олимпиад...

– Не сердись, ради Бога! – извинительно попросил Артём. – Верю я тебе, Танечка, верю... Это, что же у нас получается, а?

– Не знаю, честное слово! Тебе, майор запаса, видней. С твоим-то опытом и знаниями.

– Получается, что мы все провалялись в вагонах электрички – без сознания – целые сутки? Может такое быть?

– Не готова к однозначному ответу, надо хорошенько подумать... Хотя, ощущается очень сильная жажда. Но это, возможно, только последствия недавней нервотрёпки, то есть, пережитого стресса.... Как же, Тёма, пить хочется!

Словно бы услышав последние Танины слова, мужественный голос, многократно усиленный – на этот раз – стандартным армейским мегафоном, бодро объявил:

– Рад вас видеть, друзья! Это я и есть – военный комендант станции «Лесная», подполковник Мельников Борис Иванович! Сейчас вам, первым делом, раздадут воду – по одной литровой бутылке на человека, включая детей... Спрашиваете, почему такие маленькие бутылки? Так полагается по правилам-инструкциям: литр питьевой воды в сутки – на одного человека. Подчёркиваю, питьевой воды! Не беспокойтесь, в суточный рацион ещё входят различные соки – апельсиновый и яблочный через раз. Отдельно будет предлагаться жидкая горячая пища, то есть, полноценные супы. Кроме того, в ближайшее время будут оборудованы умывальники с технической водой... Туалеты? Кому-то уже невтерпёж? Ладно, братья и сёстры... Женщины по лесенке спускаются в правый туннель, мужчины, соответственно, в левый. Там увидите железные двери, над каждой висит по светло-розовой лампе, ну, и нарисованы соответствующие значки и буквы... Повторяю ещё раз! Двери под розовыми лампочками! Они открыты, за ними находятся туалетные помещения. Каждое оборудовано восьмью кабинками с биотуалетами. Прошу быть аккуратными и не устраивать давки! Все другие двери закрыты! Не надо туда ломиться и колотить по ним ногами! Итак, приступаем к раздаче питьевой воды... Граждане, попрошу не толкаться и не суетиться! Образует две живые очереди! Женщин и детей пропускаем вперёд! Мужчины, проявляем сознательность и гражданскую ответственность!

Мегафон, смешно хрюкнув, замолчал.

– Представляешь, что было бы, если народ предварительно не глотнул бы успокаивающего зелья? – с лёгким сарказмом в голосе спросил Артём.

– Не-а, – Таня смешно наморщила веснушчатый нос. – Что было бы, Тёма?

– Страшная паника и полноценная давка с пошлым мордобоем. Неорганизованная и нервная толпа – страшное дело... Так что, тутошняя спецкоманда – во главе с военным комендантом – отрабатывает ситуацию идеально, что называется – без сучка и задоринки. Молодцы, одним словом! Профессионалы! Полностью одобряю!

– Может быть, пойдём ко всем? – робко предложила Татьяна. – Тут, конечно, всё отлично слышно. Но пить очень, уж, хочется. Да и дамскую туалетную комнату не мешало бы посетить...

– Конечно, пойдём! Извини, просто задумался немного...

Возле трибуны наблюдался идеальный порядок. Люди, дисциплинированно отстояв в очередях, получали вожаемую воду, молча, повинаясь кратким указаниям «чёрно-серых», отходили в сторону, на специально отведённые площадки, и только там отвинчивали с бутылок пробки и утоляли жажду.

– Знаешь, а они похожи на зомби, – испуганно шепнула Таня. – Движения ужасно заторможенные и угловатые, глаза потухшие, немного напоминают рыбы... Ну, в какую очередь встаём? Может, в правую?

– Я подежурю в очереди, а ты пока сбегай в туалет, – предложил Артём. – Давай, беги, невеста! Не стесняйся...

Картонные ящики с минеральной водой без газа располагались в шести-семи метрах от трибуны. Артём, получая две законные бутылки (Таня уже вернулась и стояла рядом), громко и надсадно кашлянул несколько раз подряд, привлекая внимание к своей персоне. Подполковник Мельников, облачённый в полевую пятнистую офицерскую форму и занятый до этого момента беседой с одним из докторов, тут же перевёл взгляд в нужную сторону. Узнав старого знакомого, он скупно улыбнулся и пальцами правой руки изобразил неприметный условный знак.

Когда они, отойдя метров на десять-двенадцать от компактной людской толпы, вволю напились, Татьяна сообщила:

– Твой Мельников немного напоминает покойного киноактёра Владислава Галкина. Тот же типаж! То бишь, мужественный мачо-раздолбай, слегка побитый и потоптанный жизнью-злодейкой.

– А я на кого похож? – насмешливо прищурился Артём. – Признавайся!

– Ты? Конечно же, на Алена Делона – из старинного кинофильма «Зорро». Помнишь, в самом начале фильма он едет – под симпатичную мелодию – на лошади, задумчиво зажав в зубах огрызок сигары? Только ты в плечах немного пошире, и лицо бледное...

– Спасибо, королева моего сердца.

– Всегда – пожалуйста! – мило усмехнулась девушка. – Кстати, а что это за тайный знак изобразил пальцами подполковник?

– Глазастая ты у меня!

– А, то! Итак?

– Попросил подойти после собрания – в отдельном порядке. Наверное, хочет пригласить на беседу в некий тайный бункер... Не смотри ты так испуганно! Конечно же, я обязательно возьму тебя с собой. Не бросать же симпатичную и беззащитную девушку здесь, среди непредсказуемых и заторможенных зомби... Кстати, а что у нас с туалетами?

– Знаешь, всё очень цивильно и чистенько, пол и стены выложены разноцветным кафелем. Имеется и вторая просторная комната с торчащими из стен трубами. Скорее всего, там будут располагаться умывальники. Наверное, ещё не успели установить...

Когда солдаты унесли пустые картонные ящики в туннель, Мельников вновь поднёс мегафон к губам и перешёл к главному:

– Подходите, друзья, поближе! И так... Наша страна подверглась коварному нападению со стороны вооружённых сил НАТО! По Санкт-Петербургу был нанесён ядерный удар! Извините, но никакой другой информацией я не располагаю... Сразу же после взрыва прервались все виды связи, включая мобильную. Работает только местная, от автономного передатчика волн, с радиусом действия в пятьсот-шестьсот метров... Спрашиваете, что теперь делать? Отвечаю. Действовать в полном соответствии с типовыми инструкциями, ждать помощи с поверхности и надеяться на лучшее...

– Может, надо послать разведчиков? – предложил звонкий голос Хана. – И в ближайшие туннели, и на земную поверхность?

– На поверхность отправить разведчиков не получится, – недовольным голосом откликнулся подполковник. – Гидравлическая система, отвечающая за перемещение заградительного щита, автоматически заблокирована на полгода... А разведчиков на станции «Выборгская» и «Площадь Мужества» мы обязательно отправим. Только потом, в плановом порядке, когда обустроим здесь крепкий быт, не раньше. Как и предписывают инструкции...

– Вы что-то говорили о возможной помощи! – напомнил Хантер.

– Правильно, говорил... Действенная помощь, я считаю, может прийти к нам только со стороны станции «Девяткино». Но только месяца через три-четыре, не раньше, когда радиационный фон снизится до приемлемых величин... Так что, наша основная задача – продержаться это время. Повторяю, продержаться – как минимум – три-четыре месяца! А что для этого надо, товарищи? Правильно! Соблюдать крепкую дисциплину и проявлять железобетонную выдержку! Всё ясно? Что непонятного? Прекращайте шуметь, сограждане! Повторяю ещё раз! Никакой достоверной информации у меня нет! Связь не работает! Успокойтесь, россияне! Будьте же сознательными...

Несмотря на принятую успокоительную микстуру, люди упорно отказывались верить, что военный комендант не обладает хоть сколь-нибудь внятной информацией и требовали подробно рассказать о ходе начавшейся войны. У некоторых, даже, началась полноценная истерика... Матерно выругавшись от досады, Мельников передал мегафон пожилому доктору Василию Васильевичу. Старичок не подкачал – уболтал и успокоил разволнованный народ

минут за пять-шесть. Его голос – мелодичный и монотонный – действовал на нервных граждан и гражданок не хуже армейского специализированного зелья.

– Очень похоже, что наш милейший Василий Васильевич является опытным и хватким гипнотизером, – предположил Артём. – Да, всё предусмотрели ребятки! По крайней мере, к подавлению возможной паники они отнеслись очень серьёзно. Не отнять и не прибавить...

После выступления доктора дело пошло гораздо веселее.

– Переходим к следующему ответственному этапу! – облегчённо вздохнув, оповестил Мельников. – А именно, объединяем три важных дела в одно. Сейчас мои бойцы установят на перроне три раскладных столика, стулья, и вынесут картонные коробки с суточными продуктовыми пайками.

– Как же быть с горячей пищей? – раздался визгливый женский голос. – Вы же обещали, господин комендант...

– Обещал, – не стал спорить подполковник. – Но первые сутки пребывания на станции вам придётся довольствоваться сухими пайками. Инструкция! – повысил голос. – Итак, продолжаю... По одному подходим к раскладным столикам и регистрируемся. Желательно, с паспортами. Сгодятся – на первый случай – права на вождение автотранспорта, пропуска на работу, студенческие билеты и пластиковые банковские карты. Непосредственно при регистрации мои ребята будут распределять вас по административно-хозяйственным группам, где всем придётся регулярно вкалывать в поте лица... А вы как думали, родные? В военное время все граждане обязаны – так, или иначе – трудиться на благо Родины. Естественно, кроме маленьких детей, беременных женщин, дряхлых стариков и безнадежных инвалидов. Специальной инструкцией – для гражданских лиц – предусмотрены следующие административно-хозяйственные группы, они же службы: охранно-вспомогательная, медицинская, кухонно-поварская, психологическая, банно-прачечная и уборочно-бытовая. Первичное распределение по группам будет осуществляться, исходя из основной гражданской профессии и образования каждого конкретного индивидуума... После завершения процедуры регистрации-распределения каждый из вас получит, как я уже говорил, суточный сухой паёк, куда входит и фруктовый сок. Всего будет выдано двести пятьдесят пять..., извините, двести пятьдесят четыре взрослых пайка, а также восемь детских... А ещё через некоторое время, уже после приёма пищи, займёмся установкой палаток. Все получают спальные мешки, подушки, постельное бельё, одеяла, а также тёплые вещи, предусмотренные инструкциями. Чуть позже будут составлены графики выхода на общественно-полезные работы...

– Товарищ майор, – кто-то осторожно тронул его за плечо.

Артём резко обернулся и облегчённо выдохнул:

– А, это ты, Лёха...

– Конечно же, я, – скупно улыбнулся Никоненко и продолжил шёпотом: – Собрание коллектива продлится ещё минут десять-пятнадцать. Но уже ничего интересного не услышите. Так, только бестолковые дурацкие вопросы и насквозь обтекаемые ответы... Потихонечку, не привлекая излишнего внимания, идите с барышней к заградительному щиту. Спускайтесь по лесенке в правый туннель. Примерно через сто пятьдесят метров увидите в стене рыжеватую дверь. Постучите: три удара через длинные паузы, три – через короткие. Вас пустят внутрь, предложат горячего сладкого чая со свежими плюшками и газеты недельной давности. А вскоре и Борис Иванович подойдёт... Вот, возьми, майор, карманный фонарик-динамо. В том тоннеле нет подсветки...

Взявшись за руки они, не торопясь и не оглядываясь назад, пошли к заградительному щиту.

– Тёма, а как это они так точно сосчитали? – спросила Татьяна.

– Кто кого сосчитал?

– Военные – нас. Мол: – «Всего будет выдано двести пятьдесят четыре взрослых пайка, а также восемь детских...». Так как – сосчитали? И, собственно, когда?

– Интересный и весьма актуальный вопрос, – с уважением посмотрел на девушку Артём. – Понятное дело, что в зале установлены камеры видеонаблюдения. Более того, некоторые из них, наверняка, работают от автономных источников питания. То бишь, пашут на съёмных аккумуляторах. Только, вот...

– Во-первых, камер видеонаблюдения, скорее всего, очень мало, – подхватила Таня. – А, во-вторых, народ-то не стоял на месте. Одни входили в вагоны, другие, наоборот, выходили.

– Ваши версии, мадам будущая писательница?

– Мадмуазель, сударь! Попрошу заметить, мадмуазель! А не какая-нибудь там ветреная вертихвостка...

– Ох, извините покорно! Безусловно, очень и очень рад... И так?

– Версия всего одна – пересчёт происходил в тот временной отрезок, когда мы все пребывали в бессознательном состоянии. Не вижу я, что-то, других дельных и правдоподобных вариантов.

– Молодец, сообразительная мадмуазель Сталкер! – Артём нагнулся и звонко чмокнул девушку в упругую щёку. – У меня, кстати, из кармана пиджака пропал травматический пистолет, который я отобрал у нервного астматика... Следующий непростой и каверзный вопрос. Почему, по твоему мнению, комендант вначале сказал о двухстах пятидесяти пяти личностях, поставленных на продуктовое довольствие, а потом поправился в сторону уменьшения?

– Не знаю, честное слово! Ты, Тёма, думаешь, что... Что...

– Ничего нельзя исключать. Впрочем, будем считать – для пущего спокойствия – что подполковник просто случайно оговорился, не более того... Да, вот ещё одно, – он озабоченно нахмурился. – Никому, а в особенности господину коменданту станции, не надо пока говорить об этой временной нестыковке. Я имею в виду, о странной перерубленной ноге суточной давности.

– А почему – особенно военному коменданту?

– Потому, что нынче он – наш с тобой непосредственный начальник. А в российской армии существует железобетонное правило: – «Выдавать информацию начальству следует очень аккуратно и сугубо дозировано. Причём, только ту информацию, которую означенное начальство ждёт от тебя...». Такая, вот, армейская специфика. Потому как инициатива подчинённых – без отдельного приказа – воинским Уставом не предусмотрена. Инициатива и далеко идущие выводы – прерогатива вышестоящих, тех, у кого на плечах имеются погоны с крупными звёздами... Понятно объясняю?

– Ну, в общем и целом...

– Молодец, понятливая мадмуазель Сталкер! Так держать!

Они – поочерёдно – спустились по короткой лесенке и непроизвольно остановились перед входом в туннель.

– Сплошная чернота! – испуганно выдохнула Татьяна. – Абсолютная и безысходная! Лично мне – очень страшно... Вдруг, там уже появились всякие трёхголовые чудища и прочие уродливые мутанты? Понимаю, что рановато, но, всё же... А в том туннеле, где находится дамская туалетная комната, лампочки висят – тёмно-бордовые, рубиновые, одна розовая. Тёма, почему здесь нет никакого освещения?

– Наверное, потому, что именно в этом туннеле располагается засекреченный командный пункт, – задумчиво почесав в затылке, предположил Артём. – Местные бойцы и командиры оснащены приборами ночного видения. А все прочие, включая коварных врагов, обойдутся и без света...

Он достал из кармана пиджака фонарик-динамо, выданный Лёхой, и принялся надавливать-отпускать на подпружиненный рычаг-курок. Через две-три секунды вспыхнул слабый светло-жёлтый лучик света, постепенно набиравший силу.

– Я иду первым, ты – в трёх метрах за мной, – строго велел Артём. – Если я резко махну рукой с фонариком, то сразу же падай на живот и старательно прикрывай голову руками. Понятно?

– Ну, вроде бы...

– Прошу отвечать ясно и чётко, без штатской отсебятины и туманной неопределённости! Повторяю вопрос. Вам понятно, мадемуазель?

– Так точно! – Таня демонстративно вытянулась в струнку, преданно «поедая» командира глазами.

– Если фонарик внезапно погаснет, то сразу же падай на живот и старательно прикрывай голову руками. Понятно?

– Так точно!

– Тогда, благословясь, вперёд...

Артём медленно шагал по шпалам, плавно перемещая фонарь из стороны в сторону, и тихонько бормотал себе под нос:

– Чёрная дверь, почти квадратная... Тёмно-синяя, вытянутая в высоту.... Ещё одна... Нет, не та, рановато. Метров тридцать-сорок осталось... Ага, вот же, она, рыженькая...

Он обернулся и негромко позвал Таню:

– Подходи, подземная амазонка. Кажется, прибыли на место. Сейчас будем вежливо стучаться...

– Подожди немного, – неожиданно попросила девушка. – Посвяти-ка ещё раз вперёд, мне что-то померещилось... Нет, не так. Опusti фонарь ниже. Ещё ниже. Освети-ка рельсы... В чём это они испачканы? Тёмные пятна и тут и там... Кровь, похоже. На этот раз – совсем свежая.

Отойдя от рыжей двери метров на пятнадцать по туннелю, Артём вернулся обратно и подытожил:

– Дали по башке и потащили в изолятор.

– Кому – дали и потащили? – опешила Татьяна.

– Тому, двести пятьдесят пятому гражданину, который решил удрать по туннелю к «Выборгской». Ничего не поделаешь, жёсткие законы военного времени...

Глава четвёртая

Старые знакомые и новая версия

Татьяна отнеслась к этой новости достаточно спокойно, то есть, с полным пониманием, уточнив на всякий случай:

– Про данный..., э-э-э, инцидент тоже не стоит никому рассказывать? Коменданту Мельникову – в особенности?

– Всё правильно понимаешь, – подтвердил Артём.

– А, если, он сам спросит? Мол, не заметили ли, часом, чего странного и необычного в туннеле?

– Пожимай легкомысленно плечами, мол: – «Я же будущий врач, а не профессиональный разведчик. У каждого из нас – свои проблемы и свои же должностные обязанности...». Почему ты так задумчиво нахмурилась, моя алмазная донна? Не можешь чего-то понять-переварить? Так, спрашивай! Может, я и проясню ситуацию...

– Вот, эти разноцветные двери, пусть и тёмных колеров, – секунд через восемь-десять неуверенно произнесла девушка. – Я столько раз проезжала по этому туннелю. Скорость состава тут маленькая... Не было здесь ничего! Не, пару раз я, всё же, замечала, что есть что-то похожее на двери-ворота... Но они были абсолютно чёрными! Объясни мне, пожалуйста, товарищ командир, данную странность. Будь так добр!

– Элементарные маскировочные щиты, не более того. Пластиковые или металлические, тщательно подогнанные по размеру и выкрашенные в чёрный цвет. Прозвучала «Атомная тревога!». Через некоторое время – в полном соответствии с инструкциями – щиты сняли...

Артём уверенно постучал – условным манером – в тёмно-рыжую дверь. Примерно через полторы-две минуты раздались едва слышимые щелчки, и дверь – с тихим шелестом – на полуvinу «отодвинулась» в сторону, то есть, частично «утонула» в стене.

– Заходите, усталые странники! – доброжелательно пророкотал густой бас. – Наша скромная обитель открыта для всех, кто чист сердцем и помыслами! Об одном, лишь, прошу, гости дорогие. Оставьте тёмные помыслы и гордыню излишнюю – за порогом...

– Поп, что ли? – испуганно шепнула Таня. – Не доверяю я им, речистым. Сама не знаю, почему, но не доверяю...

Встретивший их широкоплечий мужик – внешним обликом – совершенно не напоминал служителя культа. Скорее, наоборот, являлся классическим воплощением такого небезызвестного термина-понятия, как «отвязанный наёмник, жизнь вволю понюхавший и разные виды выдавший...». Лет пятидесяти пяти, низенький, кряжистый, в стареньком тельнике, с коротким седым ёжиком на круглой голове и с приметным шрамом на характерной рязанской физиономии. Шрам – толстый, багрово-фиолетовый – уверенно змеился от правого виска – через толстый нос – к левой скуле волевого подбородка.

Татьяна непроизвольно охнула, но, быстро взяв себя в руки, вежливо поздоровалась:

– Долгих лет вам, дяденька! И крепкого здоровья – до самой смерти!

– Спасибо на добром слове, девонька! – жизнерадостно откликнулся седой крепыш и неожиданно загрустил. – Везёт же некоторым бестолковым костоломам! Такие симпатичные и правильные девчонки им достаются – только слюнки текут от белой зависти... Где же вы их находите, бродяги удачливые? Мне, вот, лично – на тернистом жизненном Пути – ни одной такой не встретилось. Так, только лахудры одни, с дешёвыми лярвами вперемешку. Ну, за исключением редких моментов, – смущённо, будто вспомнив нечто бесконечно-приятное, замолчал.

– Привет, Горыныч! – Артём с чувством пожал широкую ладонь крепыша. – Смотрю, славная компания подобралась. Боря Мельников, Лёха Никоненко, теперь, вот, ты. Случайное совпадение, надо думать?

– Оно, майор! Оно, родимое! – невесело хохотнул Горыныч. – Вообще-то, мы с Лёхой последнее время – примерно года полтора – кувыркались на Таймыре. Проект «Глонас», будь он неладен. Т-с-с! – поднёс корявый указательный палец к губам. – Секретность страшная, мать её... А два месяца назад из Москвы пришёл приказ – без промедлений следовать в славный Питер. Пару недель просидели в спецкоманде на «Кировском заводе», потом – на «Маяковской», несколько суток назад перевели сюда. Борис Иванович тоже здесь недавно, месяца три с половиной. Его из Владивостока срочно вызвали. Хорошо ещё, что семью с собой не потащил...

– Ждали, что начнётся война? – в лоб спросил Артём.

– Не то, чтобы ждали. Просто «тревожный уровень» подняли по максимуму... Но, как ты знаешь, майор, это – ни о чём ещё не говорит. «Максимальный уровень», его, заразу, два-три раза в год регулярно объявляют. Типа – учения проводят. А, может, и не учения, но всегда с благополучной отменой... И сейчас все были уверены, что пронесёт. Мол, высокое начальство находится в своём обычном репертуаре, не давая подчинённым расслабиться... Не пронесло. Рвануло...

– Говорите, рвануло..., – раздумчиво протянула Татьяна, не обращая внимания на сердитый взгляд Артёма. – А точно, что это была атомная бомба?

– Что же ещё?

– Ну, не знаю... Может, какая-нибудь другая? Например, обычная. Только очень большой мощности...

– Шустрая она у тебя, майор, – уважительно констатировал Горыныч. – Сидеть тебе под каблуком – до полного завершения жизненного Пути... Впрочем, разболтался я что-то с вами – вопреки строгим и нудным инструкциям. Пойдёмте, мальчики и девочки, я провожу вас к кабинету Бориса Ивановича. Вот, когда он сам появится, то все вопросы и проясните... Если, конечно, на то будет воля Божья. Или, к примеру, высокого начальства, что – суть – одно и то же, если подойти с философской точки зрения...

Они прошли – мимо обычного офисного стола с установленными на нём стандартными мониторами – метров двенадцать-пятнадцать по узкому коридору, скупо освещённому светлорозовыми лампами, и упёрлись в иссиня-чёрную бронированную дверь. Горыныч приложил ладонь к серой квадратной плите-экрану, раздался едва слышимый щелчок, после чего дверь послушно приоткрылась.

– Проходите, отрок и отроковица! – «поповским» голосом пророкотал седой крепыш в тельняшке, пропуская гостей вперёд. – Будьте как дома!

Артём и Таня вошли в просторное прямоугольное помещение. По стенам и на потолке горели не только розовые лампы, но и несколько длинных секций дневного света. Сзади раздался очередной щелчок, сигнализируя, что бронированная дверь закрылась.

– Напоминает среднестатистическую офисную приёмную, – тихо прошептала Татьяна. – Кроме входной двери имеются ещё три, которые, очевидно, ведут в кабинеты тутошнего начальства. Я по весне секретаршей подрабатывала в одной торговой фирме, там было точно также: приёмная с кожаными диванами, креслами и журнальными столиками, пальмы в кадках, герань в горшках. Только здесь они, то есть, пальмы и цветочки, похоже, искусственные...

– Всё верно понимаешь, госпожа майорша! – весело подтвердил Горыныч, демонстрируя, тем самым, наличие отменного слуха. – Один кабинет, который самый большой, занимает военный комендант «Лесной», он же – подполковник Мельников Борис Иванович. Во втором, левом, расположился профессор Фёдоров, ну, тот, который Василий Васильевич... А третий – пока резервный. Правда, он очень неудобный, потому, как проходной. То бишь, соединяется

коротким коридором с кухней и прочими хозяйственными помещениями. Имеете реальные шансы – занять. Если на то будет воля Божья, или.... Ну, вы уже в курсе... Ладно, пошёл на пост, а вы, гости дорогие, располагайтесь, не скучайте и читайте газеты-журналы. Я позвоню Глафире, – продемонстрировал чёрный громоздкий брусок, оснащённый короткой и толстой антенной, – она вам чая-кофия притащит, сдобы свежей, пряников тульских...

Из-за короткой дальней стены, где дверей не наблюдалось, раздавался размеренный перестук.

– Что это такое? – ожидаемо заинтересовалась Таня. – Машинный зал?

– Он самый, – Артём уселся на кожаный диван, взял с журнального столика толстую газету и лениво зашелестел страницами. – Дизель-генераторы, надо думать, пашут. Куда же без них? Значит, и вентиляционные системы исправно функционируют, что просто замечательно. Следовательно, и жуткого коллапса – в ближайшее время – не намечается... Кстати, где-то рядом с машинным залом должна располагаться аккумуляторная, где – с помощью различных кислот и щелочей – подзаряжают подсевшие аккумуляторные батареи.

– А почему Горыныч иногда говорит как нормальный человек, а иногда, как..., как монах из провинциального монастыря?

– Он в молодости лет восемь-десять нелегалом отработал за границей. Причём, именно, под личиной священника. В «Русской Православной Церкви Заграницей». А потом неожиданно началась горбачёвская Перестройка, Горыныча, вручив дежурный орден, срочно отозвали на Родину. Идиотизм сплошной, если вдуматься...

– А где он заработал этот офигительно-красивый шрам?

– В одной южной и – на удивление – беспокойной стране.

– Где вы все вместе, включая Лёху Никоненко, славно кувыркались? – уточнила девушка.

– Ага! Именно, что вместе. И, именно, что кувыркались... Присаживайся, амазонка! Тут – кроме серьёзных мужских газет – имеются и легкомысленные дамские журналы...

– А что это за местная автономная связь? – Татьяна никак не могла справиться со своим природным любопытством. – И что за гигантский «мобильник» был в руках у Горыныча?

– Обыкновенная армейская рация. Разработка, если не ошибаюсь, 1963-го года. Или, всё же, 1967-го? Впрочем, неважно... Принцип работы – наипростейший. Есть ящик-передатчик, работающий от сменных аккумуляторов. Он исправно испускает радиоволны в определённом диапазоне. Рации... Ну, эти продолговатые чёрные штуковины с толстыми антеннами, настроены на строго определённую волну. Вот, такие дела... Дальше всё зависит от рельефа местности и прочих природных нюансов. В чистом поле радиус действия таких станций составляет от двух до десяти километров. В зависимости от долготы-широты конкретной местности. Здесь, под землёй, метров пятьсот-семьсот, не более...

– То есть, и с земной поверхности кто-нибудь может выйти на связь с комендантом станции?

– Теоретически, может, – тяжело вздохнул Артём. – Если, во-первых, на поверхности имеются живые индивидуумы с точно такими же рациями. И, во-вторых, если эти индивидуумы знают, на какую конкретную радиоволну нужно настраиваться, плюс – секретные пароли входа, которые – в соответствии с инструкциями – регулярно меняются.

– Пароли?

– Это как у самолётов сигналы «свой – чужой»...

Минут через пять распахнулась дверь кабинета – того, который являлся «резервным и проходным» – и в «приёмную» вошла молодая черноволосая женщина с медным подносом в руках. Женщина была облачена в удобный светло-бежевый комбинезон, а на подносе располагались две тёмно-синие фарфоровые кружки, над которыми поднимались молочно-белые струйки пара, и большая плетёная корзиночка с плюшками, рогаликами и пирожками.

– Младший лейтенант Глафира Иванова! – приветливо улыбнувшись, представилась женщина, ставя поднос на край журнального столика, свободного от газет и журналов. – Мне тут Витя... Извините, капитан Горнов, поручил вас попотчевать. Как говорится, чем богаты... Угощайтесь! А вместо чая-кофе я вам какао сделала. Оно очень вкусное и питательное...

– Спасибо, Глаша! – от души поблагодарила Татьяна. – Может, и вы перекусите с нами? Присаживайтесь!

– Извините, но не могу! Служба! – женщина, коротко кивнув головой, скрылась за дверью.

«Глафира-то – кровь с молоком! Из тех, которые коней останавливают на скаку и запросто, между делом, входят в горящие избы...», – мысленно усмехнулся Артём. – «Горыныч всегда был – у прекрасного женского пола – записным любимчиком. И с гладкой физиономией, и со страхолюдным шрамом. И в рясе, и в тельнике. Хотя, роста в нём – один метр шестьдесят три сантиметра, не больше. А Глаша, явно, за метр семьдесят пять будет. Чудеса в решете, если – коротко...».

Поочерёдно – с аппетитом – кусая то рогалик с маком, то пирожок с мясом и рисом, Таня спросила, делая между фразами короткие вынужденные перерывы:

– А откуда здесь... Свежая сдоба, а? Имеется специальная... Пекарня, да? А зачем?

– Затем, что так полагается! – с нотками законной гордости сообщил Артём. – Написано в соответствующей должностной инструкции, мол: – «Данный объект – в период с «такого-то» по «такое-то» – должен быть обеспечен серым ржаным хлебом по ГОСТУ 6412-63 и свежей пшеничной выпечкой по ТУ 92-09...». Значит, объект будет обеспечен – всем предусмотренным. Иначе, моя радость, не бывает! При первой же серьёзной проверке можно погон лишиться... Специальная пекарня? Не смейся, ради Бога! Существует широкий перечень компактных хлебопечек, работающих и от сетевого электричества, и от аккумуляторов, и, даже, на обыкновенной соляре. Производства Японии, Южной Кореи, США и Израйля. Отечественные? Не, чего нет, того – нет, врать не буду... И, вообще, общественное мнение о том, что нынешнее состояние российской армии находится, э-э-э, ниже плинтуса, оно – сильно преувеличено. Иногда, даже, преднамеренно преувеличено и специально раздуто...

– Преднамеренно раздуто, чтобы доверчивый потенциальный противник слегка расслабился?

– Точно, прозорливая мадмуазель Сталкер! И внешний противник, и внутренний... Понятное дело, что и пошлого бардака хватает, и гадости откровенной. Но... Имеются у нас, в России, и такие части специального назначения, подготовке и оснащению которых даже МОС-САД обзавидуются. Не говоря уже о сопливых мальчишках из ЦРУ и МИ-6.

– Гордишься российской армией? – вопросительно прищурилась девушка.

– Горжусь и люблю.

– Почему же тогда вышел в отставку?

– Потому и вышел... Сейчас же рубить баблосы, осваивая бюджетные ресурсы, дело общепринятое и естественное. Не так ли? Ну, а я человек старомодный. Прежней закалки, так сказать...

– Брезгливый идеалист и неисправимый романтик, – поняливо сформулировала Таня.

– Да, наверное... А, что, тебя это не устраивает?

– С чего ты взял? Наоборот... Продолжай, Тёма! Продолжай...

– Нечего, собственно, продолжать. Вопрос был поставлен ребром: либо я вхожу в общую схему, плюя на излишнюю щепетильность, либо – подаю рапорт об увольнении из Рядов. Третьего здесь не дано... Человеку, не замазанному круговой порукой по самые уши, нет полноценной веры. В том смысле, что он может – как принято считать – «настучать» в любой момент... Так что, я без всяких мальчишеских обид (почти – без обид?) подал в отставку. Мол, не хочу глупой и излишней принципиальностью портить жизнь боевым друзьям. Соратники

отнеслись к этому решению с полным пониманием, и всё такое... В армии любят прямолинейность, а, вот, скользкого лицемерия – терпеть не могут. Не хочешь корректировать свои основополагающие жизненные принципы и приоритеты? Без вопросов! Уходи... Это честнее, чем мозги пачкать – нравоучительными и нудными сентенциями – себе и другим...

Татьяна, успешно разделавшись с пирожками и рогаликами, достала из кармана куртки белоснежный носовой платок, тщательно вытерла губы и, недоверчиво покачав головой, заявила:

– Я ничего не понимаю! Абсолютно – ничего!

– Например?

– Как я поняла из твоих последних высказываний, милый, российские спецслужбы – это – о-го-го! Типа – безо всяких дураков и невинных шуток! Правильно?

– Ну...

– Баранки ярмарочные – усердно гну! А ты тут сидишь себе, и треплешься – без зазрения совести – обо всём подряд... А, ведь, наверняка...

– Записывают всё? На аудио-видео?

– Разве нет?

– Записывают, конечно, – признался Артём. – Было бы очень странно, если бы не записывали... Что из того? Я же тебе, вроде, уже рассказывал о некоторых «золотых» армейских правилах?

– О многих! – ехидно хмыкнула Таня. – И, по твоим словам, выходит, что они все – практически – золотые. Или, на крайний случай, серебряные...

– Каждый армейский служака – сам себе – расставляет приоритеты. Если он расставит их правильно, то будет – в глубокой старости – похоронен в генеральском мундире с красными лампасами на форменных штанах. Понятно излагаю?

– Да, как сказать... Впрочем, кажется, понимаю... Мол: – «Начальству надо выдавать только ту информацию, которую оно ждёт от тебя...»?

– Правильно, любимая! Почему бы ещё раз не повторить то, что всем уже давно известно? То бишь, подтвердить – в очередной раз – официально-правдивую версию?

Где-то рядом раздался приглушённый смешок, бесшумно приоткрылась дверь правого кабинета, и мужественный голос Мельникова предложил:

– Заходите, родимые! И болтливые – без меры...

– Как же он там оказался? – недоумённо прошептала Таня. – Впрочем, я, кажется, догадалась. Наверное, в стенах туннелей существуют всякие секретные коридоры, ведущие от одного края платформы к другому. В том числе, и в кабинет господина коменданта...

Кабинет подполковника, хотя и был подземным, ничем не отличался от кабинетов других подполковников спецслужб: длинный офисный стол с кожаным креслом в торце, монитор компьютера, лазерный принтер, несколько разномастных телефонных аппаратов, стулья для посетителей, громоздкий сейф в углу, вдоль стен – пластиковые стеллажи, плотно забитые книгами, справочниками и пухлыми картонными скоросшивателями. Ещё имелись две неприкрытые двери: одна с доходчивой табличкой «WC», другая без всяких табличек. Ну, и портрет руководителей страны – на стене, за креслом Мельникова.

«Тот самый, знаменитый! С горными лыжами!», – не преминул схохмить насмешливый внутренний голос. – «Знать, братец, не напрасно ты тогда извилины напрягал, старался, ночами не спал...».

Приметная вещь в кабинете была всего одна – в дальнем углу, на высокой тумбе располагался квадратный тёмно-зелёный ящик, оснащённый длинной чёрной антенной. Ящик умиротворённо и сыто гудел, лукаво и радостно подмигивая разноцветными лампочками.

– Армейская рация, – понятно прищурилась Татьяна. – Вернее, автономный излучатель радиоволн в узком диапазоне, понятное дело...

– Наблюдательная и очень сообразительная особа! – одобрил Борис Иванович, после чего поскучнел, нахмурился и, подпустив в голос свинца, велел: – Присаживайтесь, девушка! И предъявите, пожалуйста, документы... Артём Петрович, гнездись рядом со своей шустрой наядой. Прошу!

Таня, демонстративно шумно устроившись на одном из стульев, достала из внутреннего кармана куртки паспорт и, презрительно хмыкнув, отправила его по гладкой столешнице по направлению к подполковнику. Мельников взял документ, раскрыл его на первой странице, небрежно пробежался пальцами правой руки по клавиатуре компьютера, внимательно уставился в монитор и, удивлённо присвистнув, объявил:

– Надо же! Оказывается, что на этом свете ещё встречаются самые натуральные чудеса! А я-то, старый пессимист и циник, думал, что всё врут в толстых книжках... Итак. Татьяна Сергеевна Громова, девятнадцати лет от роду, студентка второго курса Первого Меда. Красавица, круглая отличница, посещает всякие клубы, студии и кружки. Завзятая театралка, регулярно навещается в музеи и на разнообразные выставки... И, при всём этом, является идеалом – в плане крепких моральных устоев и сбережения девичьего целомудрия. Что, согласитесь, для наших легкомысленных и распутных времён является откровенным нонсенсом...

– Можно и в глаз получить, шутник в погонах! – пунцово покраснев и стараясь не смотреть в сторону Артёма, грозно пообещала Татьяна.

– Можно! – радостно согласился с ней подполковник. – Потому, что наша Татьяна Сергеевна – кроме всего прочего – ещё занимается в секции восточных единоборств. Имеет коричневый пояс по дзюдо и является серебряным призёром по айкидо студенческого первенства Санкт-Петербурга. В весе до пятидесяти двух килограмм...

– Засудили меня тогда, сволочи наглые, – сердито пробормотала девушка. – Происки и откровенные интриги, так их всех... Ничего, по осени – в обязательном порядке – возьму реванш...

– Она, Белов, ещё и закоренелая реваншистка! – продолжал веселиться подполковник. – Упасть и не встать! Забыть и не вспомнить! Бывает же... Да, влип ты, Тёмный, по самое не могу! Такая уже не отпустит! Пропал ты, братец! Не забудьте потом, когда окончательно созреете, пригласить меня на свадьбу..., – запнулся, видимо, вспомнив о непростых реалиях, и опять направил разговор в серьёзное русло: – Ладно, с юмором я на сегодня закончил! Извините, это, наверное, такая нервная реакция – на события последних часов... Может такое быть, уважаемая Татьяна Сергеевна? Вы же, как-никак, будущий доктор. А компьютер дополнительно сообщает, что вы увлекаетесь не только хирургией, но и психиатрией.

– Ваша избыточная весёлость, господин комендант, действительно, может являться защитной реакцией вашего подсознания на избыточное нервное напряжение. И, даже, скорее всего...

– Спасибо! Так, вот... Артём Петрович, ты полностью уверен в своей сердечной подруге? Головой отвечаешь за неё? Вы, надеюсь, уже давно знакомы?

– Достаточно давно, – осторожно ответил Артём. – Отвечаю головой...

Мельников, с минуту-другую задумчиво побарабанив подушечками пальцев по чёрному бруску рации, лежавшему на столе, непонятно вздохнул и продолжил:

– Хорошо, верю! И перехожу к главному... У нас сработала сирена: сперва обычным образом, потом «пиковым» – одно длинное завывание, два коротких. Включили с наземного пункта, понятное дело. Потом загудели поезда, видимо, им передали отдельную команду по «метрошной» связи... Я тут же вышел на связь с руководством. Генерал начал испуганно мямлить в трубку, мол, ничего толком неизвестно, мол, всё ещё обойдётся. Но, при этом, приказал действовать в строгом соответствии с инструкциями, то есть, по полной программе... Один

состав уже стоял на станции, другой подходил к ней. Мы напялили на морды противогазы и, благословясь, пустили на перрон и в туннели газ... Секретный, естественно. Усыпляющий, с затормаживающим эффектом. После этого – почти сразу же – оно и рвануло. Слава Богу, что к этому моменту заградительный щит возле эскалаторов уже выполз-сработал...

– Значит, мы не теряли сознания? – торопливо уточнила Татьяна. – А секретный газ был слабой концентрации? Рассчитанный только на час здорового сна?

– Да, примерно на час. Зачем, собственно, дольше? Мои бойцы пересчитали всех «пассажиров», включая тех, кто на перроне ждал последнего поезда, проверили – специальными приборами – на наличие взрывчатки и различного оружия, включая холодное. Конфисковали три травматических пистолета, шесть перочинных ножей и парочку кастетов... Хорошо ещё, что всё это произошло ночью. Представляете, что было бы, если «Атомную тревогу» объявили бы днём, когда в метро – единовременно – находились бы многие десятки тысяч человек? Даже, подумать страшно...

– А усыпляющий газ, он – зачем? Чтобы пресечь панику?

– Панику, истерию и массовый психоз. Инструкция, ничего не напишешь...

– А большая круглая лампа дневного света? – не сдавалась девушка. – Та, что висит в станционном зале, над трибуной? Она, ведь, тоже...

– Вроде бы, – нервно передёрнул плечами подполковник. – Говорят, какая-то экспериментальная разработка нового поколения, оказывающая – в купе с волшебной микстурой Василия Васильевича – успокаивающее действие.

Артём, громко покашляв в кулак, сердито предложил:

– Может, обсудим все мелочи, детали и нюансы немного позже? Расскажи-ка, Борис Иванович, что же случилось на самом деле...

– В смысле? – чёрные брови Мельникова удивлённо взметнулись вверх. – Что ты имеешь в виду?

– Извини, я неправильно выразился... С кем мы воюем? Количество нанесённых ядерных ударов по России? Количество ответных ударов? Общая обстановка? Прогнозы по дальнейшему развитию ситуации?

Подполковник, недовольно помотав головой, скривился, словно бы от сильнейшей зубной боли, достал из ящика письменного стола плоскую металлическую фляжку, отвинтил крышечку, сделал два крупных глотка и, неодобрительно посмотрев на Артёма, выдохнул – вместе с коньячными парами:

– Напрасно... Напрасно ты мне не веришь, Тёмный! Хочешь, я всё расскажу в хронологическом порядке?

– Расскажи, будь так добр.

– Сперва поступил сигнал – «Общая опасность!». То бишь, опасность, природа которой ещё не определена окончательно. По этому сигналу все, включая подвижные составы и эскалаторы, останавливаются-замирают, ожидая дальнейших команд...

– О чём говорит данный сигнал? – не утерпев, перебила подполковника Татьяна. – Извините, Борис Иванович, просто любопытно стало...

– Ничего страшного. Любопытство и женщина – понятия неразделимые... «Общая опасность!» – может означать всё, что угодно. Например, некий пьяный придурок позвонил по ноль-два и сообщил о минировании двух-трёх станций одновременно. Или начинается очередное наводнение, вода в Неве подобралась к критическому уровню и вскоре может рвануть в метро. Или возможен коварный сбой в системе подачи электроэнергии, обусловленный головотяпством и разгильдяйством всяких и разных «Чубайсов»... Можно продолжать? Через тринадцать с половиной минут – после «Общей опасности» – объявили «Атомную тревогу». Секунд двадцать пять я потратил на разговор с генералом, ещё через три минуты мы пустили усыпляющий газ, тут оно и рвануло. Причём, откуда пришла звуковая волна от взрыва – было не

понять. Сложилось такое устойчивое впечатление, что со всех сторон сразу... Когда прервалась связь? Точно не знаю. Но после взрыва, то есть, после ударной волны, её уже не было. В том числе, и с соседними станциями, очевидно, где-то перерубило кабель... Автономная радиосвязь? Моя вина, Тёмный, так совпало.... Как раз в 24–00 наш куст – «Выборгская», «Лесная» и «Площадь Мужества» – меняли секретный код для выхода на связь. Согласовали с комендантами, поменяли. Естественно, с грубейшим нарушением инструкции.... То бишь, мы сперва должны были сообщить в Центр новый код, а только потом менять старый, но сделали, как и всегда. Мол, потом сообщим – по городской линии. Ну, и не успели – из-за всей этой катавасии. Рвануло, так его растак... Теперь, если, даже, наверху остались живые, то они не знают нового кода. А старый обратно уже не ввести, хитрое оборудование такого не допускает – хрен знает, из каких соображений... Татьяна Сергеевна! Вас опять, судя по выражению симпатичного личика, терзают смутные сомнения?

– Ага! Получается, что с момента объявления «Атомной тревоги» – до непосредственно взрыва – прошло порядка четырёх минут? Как такое может быть? Честное слово, не понимаю...

– А что по этому поводу думает уважаемый Артём Петрович? – ехидно поинтересовался Мельников.

– Правдоподобная и прозрачная ситуация, – почти не задумываясь, ответил Артём. – Допустим, что баллистическая ракета с ядерной боеголовкой стартовала с североамериканского континента. Расчётное время подлёта до Питера – минут семнадцать-восемнадцать. Получается, что ракета (много ракет?) стартовала (стартовали?), а наши руководящие деятели ещё целых тринадцать с половиной минут сомневались и не могли поверить в реальность происходящего. Потом, всё же, объявили «Атомную тревогу»... Впрочем, возможен и второй дельный вариант. Ракету (ракеты?) выпустил корабль (субмарина, ракетоносец?), находившийся в Северном море. В этом случае подлётное время составляет четыре-пять минут. Опять всё сходится. То есть, наши генералы, ни на йоту не сомневаясь, сразу же объявили «Атомную тревогу»... Кстати, Борис Иванович, а что у нас с фоном радиации? Измеряли?

– Конечно, измеряли. И ни один раз. Поднялся фон. Незначительно, но, всё же, поднялся...

– То есть, поднялся слабее, чем ожидалось?

– Слабее, – подполковник устало провёл ладонью по лицу. – Можно предположить, что заряд оказался не настолько мощным, как предсказывалось в инструкциях...

– Разъясните, пожалуйста, поподробней! – с надеждой в голосе попросила Таня.

– Ожидалось, что в случае начала активных военных действий, НАТО выпустит по Санкт-Петербургу баллистическую ракету, оснащённую боеголовкой мощностью от одной до пяти мегатонн. Но, учитывая показания наших приборов...

– Счётчиков Гейгера?

– Ну, и их тоже... Так вот, ядерный взрыв, скорее всего, был гораздо меньшей силы, чем прогнозировалось. На сколько – меньшей? Затрудняюсь сказать. Может, всего четверть мегатонны. Может, ещё меньше. Заградительный щит, закрывший доступ к эскалаторам, имеет очень эффективную конструкцию. Причём, непосредственно у щита радиационный фон почти не повысился. А, вот, в туннелях – возрос...

– Попробуй резюмировать! – предложил Артём.

– Резюмировать?

– Ну, предположить... Что, по твоему мнению, произошло?

Мельников снова глотнул коньяка, а убрав флягу обратно в ящик стола, пояснил:

– Вам, друзья мои, спиртного не положено. По крайней мере, пока. До тех пор, пока являетесь штатскими гражданами. Вот, когда напишите и подпишите соответствующие заявления – тогда – совсем другое дело...

– Какие ещё заявления? – нахмурился Артём.

– Объясню чуть позже, – пообещал подполковник. – Итак, резюмирую... На мой взгляд, ракету выпустила подводная лодка, всплывшая недалеко от побережья Норвегии. Почему боеголовка оказалось недостаточно мощной? Кто же его знает... Может, тут никаким НАТО и не пахнет? Например, это дело рук арабской Аль-Каиды? Мол, подлый Бен Ладен организовал провокацию – с целью развязать Третью мировую войну. Мол, пусть русские и американцы вволю поубивают друг друга, радуя фанатичных моджахедов... Чем, собственно, не вариант? А денег и иных возможностей у Аль-Каиды хватило только на маломощный заряд... Когда – два с половиной месяца назад – наши генералы объявили «максимальный уровень опасности», то не объяснили (по своей давней привычке) – откуда конкретно исходит эта опасность. Так что, возможны любые варианты... Теперь, что касается отдалённых и ближайших перспектив. Если мощность ядерного взрыва, действительно, была ниже четверти мегатонны, то можно надеяться, что через некоторое время – со стороны станции «Девяткино» – прибудет команда эвакуаторов. Когда? Может, через пару месяцев. Может, через полгода, через год. Не знаю, ребята... В любом случае, нам остаётся только одно – упорно и терпеливо ждать. Не допуская при этом, понятное дело, анархии и вакханалии.

– А продовольственных припасов, питьевой воды и медикаментов нам хватит на целый год? – забеспокоилась Таня.

– Да, хоть на пять! – сообщил подполковник. – И продовольственных припасов, и всех прочих. С этим, как раз, никаких проблем не наблюдается...

Неожиданно тоненько и тревожно взвыла сирена, через две-три секунды затихла, и басистый голос Горыныча, исходящий из маленькой чёрной коробочки, закреплённой на дверном косяке, оповестил:

– Борис Иванович, тревога! На перроне буза творится! Слышу частые пистолетные выстрелы, вижу на мониторах непонятных собак...

Мельников схватил со стола брусок рации, поднёс его к уху, и, нажав на нужную кнопку, принялся ругаться:

– Никоненко, мать твою старушку седую! Что происходит на платформе? Какие ещё волки? Ополоумел совсем?

Подполковник, отбросив рацию в сторону, вскочил на ноги, достал из ящика письменного стола мощный аккумуляторный фонарь, выхватил из наплечной кобуры массивный чёрный пистолет и командовал:

– За мной! Оружие вам Горыныч выдаст при входе (на выходе?) в туннель. Тёмный, прихвати мегафон! Он лежит на сейфе ...

Глава пятая

Алжирские шакалы

Горыныч (уже в серой камуфляжной куртке, застёгнутой на все пуговицы), по знаку подполковника протянул им – рукоятями вперёд – по чёрному пистолету и вскользь пояснил:

– Двенадцатизарядные «браунинги» последней модели, бельгийская сборка, то бишь, родная. Нормальные машинки, без дураков и неожиданных подстав... Барышня-то умеет стрелять?

– Умеет, если верить нашей базе данных, – нетерпеливо поморщился Мельников. – Отпирай, давай, балабол! Язык без костей. А вы, майор и майорша, не забудьте оружие снять с предохранителей...

Прозвучали чуть слышные щелчки, дверь приоткрылась.

– За мной! – скомандовал подполковник, включая фонарь и насторожённо прислушиваясь к неясным звукам, доносившимся со стороны платформы. – Действуем сугубо по обстановке! Горыныч, запирай!

Они вышли в туннель.

– Здесь шестой! – раздалось сзади.

Артём резко обернулся. Метрах в пятнадцати-двадцати – в ярком луче фонаря Мельникова – обнаружилась серая фигура в чёрном бронежилете, со шлемом, оснащённым прибором ночного видения, на голове.

– Как у тебя, Егоров? – спросил подполковник.

– Всё спокойно, Борис Иванович!

– Бди дальше! Если что – сразу бей на поражение! Мы пошли...

Неясные звуки – по мере продвижения к перрону – начали разделяться, постепенно приобретая узнаваемость.

«Женский отчаянный визг, испуганные мужские крики», – принялся дисциплинированно перечислять внутренний голос. – «Частые пистолетные выстрелы, яростное звериное рычание и жалобное повизгивание...».

– Вперёд, орлы! – без тени сомнения велел подполковник, устремляясь к лесенке. – Посмотрим, что это за волки такие!

На перроне безраздельно царила сладкая парочка – откровенный хаос и бессмысленная вакханалия. Бестолково, отчаянно крича и визжа, повсюду метались люди, между которыми сновали-мелькали шустрые собачьи (волчьи?) силуэты. Создавалась впечатление, что – в основном – собаки нацелились на сухие пайки, но тем людям, которые оказывали активное сопротивление, приходилось совсем несладко.

– Сволочи наглые! – гневно воскликнула Таня и, крепко сжимая пистолет двумя руками («Как в крутых голливудских боевиках!», – мысленно восхитился Артём), открыла беглый прицельный огонь по большой собачьей своре, окружившей пожилую женщину, беспомощно распластавшуюся на полу платформы.

Отметив краем глаза, что Мельников присоединился к Татьяне, Артём, высмотрев здорового наглого пса, вцепившегося в ляжку худенькому фанату «Зенита», положил мегафон на пол, выпрямился, несуетливо прицелился и мягко надавил на спусковой курок (на спусковой крючок, как выражаются штатские лица).

«Братец, это же они, ливийские шакалы!», – внезапно прозрел внутренний голос. – «Гадом буду, они самые! Крысоловы умелые, мать их!».

Это неожиданное открытие меняло всё самым кардинальным образом. Артём поставил пистолет на предохранитель, запихал его – стволом вниз – за пояс брючного ремня и подобрал с пола мегафон...

Говоря по правде, речь шла об обыкновенных пустынных волках. О «Lobo desierto», выражаясь научным языком. «Ливийскими шакалами» этих животных величали сугубо русские офицеры, входившие в специальный корпус ООН, стоявший лагерем на алжиро-ливийской границе. Корпус был, вовсе, и не миротворческим а, наоборот, насквозь секретным и тайным. Как выяснилось, и такие бывают.

– Большая политика – дело тонкое, а, местами, и откровенно грязное! – поучал тогда Горыныч молодых коллег. – Что на регионально-деревенском уровне, что в мировом масштабе...

Секретный воинский корпус условно делился на две приблизительно равные части – на европейскую и африканскую. В европейскую – кроме россиян – входили австрийцы, венгры и англичане. В африканскую – нигерийцы, марокканцы и алжирские берберы. И как-то так получилось, что русские сошлись именно с берберами. Не то, чтобы сошлись, но общались охотнее всего, видимо, почувствовав некое родство душ и схожесть природных менталитетов. Генерал Фрэнк Смит – мужчина опытный и по-настоящему мудрый, возглавлявший «ооновцев» – подметив данную национальную взаимную симпатию, начал назначать в патрули-караулы берберов совместно с россиянами.

Артёму в напарники постоянно доставался Аль-Кашар – пожилой алжирец с тёмно-коричневой непроницаемой физиономией, покрытой густой сетью глубоких морщин. Аль-Кашар был местным жителем, родом из Чёрного ущелья, когда-то обитаемого.

Как правило, армейский пятнистый фургон (американский аналог российского «Урала») на рассвете останавливался на излучине узенького безымянного ручья, пересыхавшего время от времени. Они с Аль-Кашаром вылезали из машины, тщательно проверяли амуницию, оружие и правильность настройки радиации и, взвалив на плечи тяжёлые рюкзаки, выходили на маршрут. То есть, весь день настойчиво и целенаправленно обходили склоны Чёрного ущелья, высматривая следы пребывания подлых ливийских диверсантов.

Иногда следы обнаруживались, о чём Артём тут же по радиации сообщал на базу. Тогда в воздух поднимались «Ирокезы»³ и, изредка постреливая, начинали старательно кружить над округой. Два раза и патрульным (то есть, Артёму и Аль-Кашару) пришлось вступать в непосредственное боестолкновение с противником. Оба раза выиграли, понятное дело...

Но, чаще всего, обход местности не приносил никаких неожиданных и неприятных результатов. Они к вечеру, сделав по дороге пять-шесть привалов в тени тёмно-красных скал, доходили до Рыжего бархана и останавливались на ночлег, благо у бархана дров было в достатке. Во-первых, бескрайняя полоса сухого кустарника. А, во-вторых, обгоревшие остатки щитовых барачков.

– Здесь когда-то располагались наши армейские склады, – при первом же выходе на маршрут объяснил Аль-Кашар на причудливой смеси французского, английского и арабского языков. – Прилетел большой военный самолёт, сбросил чёрные бомбы, бараки сгорели. Потом прилетел другой военный самолёт, ещё больше первого. Обрызгал всё вокруг очень ядовитой водой. Кусты и верблюжьи колючки засохли. Берберы навсегда ушли из Чёрного ущелья...

– Самолёты-то были ливийские? – недоверчиво спросил Артём. – Ну, те, которые сбрасывали «очень ядовитую воду»?

– Нет, французские, – нахмурился бербер. – Давно это было. Не будем больше говорить про самолёты...

---

³ «Ирокез» – американский армейский вертолёт

– Не будем, – покладисто согласился Артём, а про себя подумал: – «Похоже, что прав был мудрый Горыныч. Грязное это дело – большая политика...».

Они разжигали небольшой, но жаркий костерок (ночью в пустыне достаточно холодно, особенно на рассвете), ужинали нехитрой, но калорийной снедью из армейского сухого пайка, курили и вели неторопливые философские беседы, потом – по очереди – спали. На рассвете трогались дальше, огибая Чёрное ущелье с юга.

В один из вечеров, когда костерок уже разгорелся, а красно-розовое, неправдоподобно-большое солнце вплотную приблизилось к далёкой линии горизонта, Аль-Кашар, хищно оскалившись, указал рукой на восток и сообщил – с непонятными интонациями в голосе:

– Лобо идут! Крысоловы!

Артём навёл полевой бинокль в указанном направлении. По узкому распадку – руслу давным-давно пересохшего ручья – передвигалась (ползла, змеилась?) длинная цепочка, состоявшая из пятидесяти-шестидесяти поджарых животных.

«Одичавшие собаки? Волки?», – ударился в пространные рассуждения внутренний голос. – «Больше всего они напоминают русских лисиц, только на очень длинных ногах. Ну, и шерсть не такая густая, да и хвост не такой пышный. А остроухие длинные мордочки, безусловно, лисьи... Окрас? Сильно отдаёт рыжиной. Но это, скорее всего, лучи заходящего солнца так подсвечивают – с элементами авторской фантазии. Возможно, что шкура лобо – при дневном освещении – будет выглядеть серо-желтоватой...».

– Милые собачки! – высказал своё мнение Артём. – Забавные такие. Наверное, полностью безобидные...

– Ну, это как сказать, – закуривая крепкую французскую папиросу «Голтуз», в очередной раз завёл разговорную философскую шарманку Аль-Кашар. – У каждой медали, как известно, имеется две стороны. Как, впрочем, и у каждой природной сущности. Вот, и с этими пустынными волками... С одной стороны, лобо очень полезны. Они – лучшие ловцы крыс на этом призрачном Свете! Если, к примеру, в какой-либо части пустыни развелось избыточно много прожорливых крыс, то туда – без промедлений – доставляют лобо. Иногда бедуины отправляются по пустыне (на верблюдах, естественно) за пятьсот-шестьсот километров, чтобы разжиться щенками пустынных волков. Крысы – это очень плохо для маленьких верблюжат, могут ночью загрызть до смерти. Лобо – безжалостно уничтожают подлых крыс, это очень хорошо... Но голодные лобо иногда – всей стаей – по ночам нападают на беспечных путников. Они не брезгуют человечьиной. И, что хуже всего, совершенно не боятся огня...

– Э-э! – забеспокоился Артём. – Значит, пустынные волки могут – сегодняшней ночью – наброситься на нас?

– Могут, – невозмутимо согласился бербер. – Но не нападут.

– Почему – не нападут?

– Потому, что я сейчас прогоню их. Лобо будут бежать отсюда прочь – всю ночь напролёт. Очень быстро бежать. Со всех ног...

Аль-Кашар тщательно затушил папиросу о рифленую подошву армейского ботинка, отошёл от костра на несколько шагов в сторону волчьей цепочки, задрал голову к небу, прикрыл глаза и, поднеся ко рту сложенные рупором ладони, завыл... Всё вокруг наполнилось бесконечно-печальными и безгранично-тоскливыми звуками. Вой, подхваченный и многократно усиленный чутким вечерним эхом, плыл над бескрайней пустыней плотным и всепроникающим маревом...

Пустынные волки, словно бы получив некий тайный сигнал-команду, резко остановились и, повернув ушастые головы в сторону Рыжего бархана, застыли – абсолютно неподвижными изваяниями. Вскоре мелодия воя изменилась: к печали и тоске добавились нотки колючей тревоги, потом – отголоски вселенского неотвратимого ужаса... Лобо, развернувшись на сто

восемьдесят градусов, дружно и целенаправленно рванули прочь, постепенно превращаясь в крохотные, тёмно-рыжие точки...

Когда Аль-Кашар плавно отвёл ладони ото рта, и вой постепенно затих, Артём попросил:

– Научи меня, пожалуйста!

– Почему бы и нет? – невозмутимо пожал плечами бербер. – Научу, конечно! На этом призрачном Свете любое умение может пригодиться. Неожиданно для всех. Даже, и для самого умельца...

За последующие три месяца им ещё не раз встречались на пути стаи лобо, и Артём, в конце концов, неплохо научился отпугивать этих коварных хищников. А самого Аль-Кашара – уже в самом конце их командировки – достал-таки ливийский снайпер. Полчерепа снесло бедняге...

Артём, мгновенно прокрутив в голове былые знания, плавным движением поднёс мегафон к губам и, крепко зажмурив глаза, завыл... Он выл, стараясь не думать ни о чём постороннем, безостановочно произнося-повторяя про себя слова нехитрой молитвы – на причудливой смеси французского, английского и арабского языков: – «Аллах Всемогуший! Сделай так, чтобы эти жёлтые исчадия Преисподней – ушли навсегда! Сделай так, молю! Аллах Всемогуший! Сделай так, чтобы эти жёлтые...».

Он вышел из транса, только почувствовав сильные шлепки-удары по плечам и спине.

– А, что такое? – Артём опустил руку с мегафоном вниз и, открыв глаза, непонимающе огляделся по сторонам.

– Всё хорошо, они ушли! – заверила Таня, глядя на него обожающими и лучистыми, тёмно-зелёными глазищами. – Ты у меня – настоящее чудо! Легендарный и всемогуший воитель! – звонко чмокнула в щёку.

– Отставить поцелуи! – грозно рывкнул Мельников. – Тёмный! Коротко доложи, в чём тут дело!

– Ливийские шакалы.

– Не врешь? – недоверчиво прищурился подполковник. – Откуда в питерском метро – взяться пустынным волкам? А? Бред какой-то! Впрочем, сейчас ни до этого... Посмотри, что творится вокруг!

Даже не осматриваясь, только по долетавшим звукам, можно было однозначно и безошибочно определить, что власть на платформе была нагло узурпирована всеобщей паникой. Визгливые вопли, болезненные стоны, безудержный плач и истеричные всхлипы – неслись со всех сторон...

– Имеем два трупа, один из них – детский. Третий, возможно, находится в туннеле, – громким и на удивление спокойным голосом известил подошедший Василий Васильевич. – Покусанных – больше половины. Люди совсем ошалели от страха и боли... Надо, подполковник, снова пускать усыпляющий газ. Надо! Иначе, скорее всего, не справимся. Многие раненные, даже, не дают себя перевязать...

Мельников, включив рацию, приказал:

– Никоненко! Пусть все бойцы оденут противогазы! Лично сообщи каждому и проконтролируй... Три-четыре минуты у тебя. Роджер! – обернулся к Артёму. – Тёмный! Сгребай свою ненаглядную наяду в охапку и немедленно дуй в бункер! Не спорь, у вас же нет противогазов, а спать бойцам спецкоманды сейчас не следует. Потому как – дел много... Горыныч вам выдаст обмундирование. Переодевайтесь и сразу же возвращайтесь. Газ выветривается за пару-тройку минут... Всё, это приказ! Выполнять, майор! Паспорта, кстати, сдайте капитану Горнову... Бегом, марш!

Бережно подталкивая перед собой «ненаглядную наяду», Артём устремился к лесенке.

– А почему... Бойцы стреляли из пистолетов? – торопливо перебирая подошвами кроссовок по перекладинам лесенки, не удержалась от вопроса Татьяна. – Ведь у них... Были автоматы?

– Потому, что у автоматов – большая убойная сила..., – слегка задыхаясь, ответил Артём. – Вернее, у автоматных пуль... Могут пробить волка насквозь... Ну, и человека случайно зацепить...

– А почему... Подполковник Мельников величает тебя... «Тёмным»?

– По капустному кочану... Прямая ассоциация: Артём – Тёма – Тёмный...

– Мне не нравится... Буду называть тебя по-прежнему... Тёмой...

Тёмно-рыжая дверь была широко распахнута, и из недр бункера высовывался седой ёжик волос.

– Быстрей! Быстрей! – торопил недовольный бас Горыныча. – Только вас жду! Быстрей, майор и майорша!

Когда Артём и Таня оказались внутри помещения, капитан Горнов захлопнул дверь, повернул до упора крохотный штурвал на стене, нажал на круглую красную кнопку и прошёл к столу, на котором выстроились в ряд три монитора. Усевшись в стандартное офисное кресло на колёсиках, он выдвинул из стола специальную полочку, ловко пробежался корявыми пальцами по невидимой клавиатуре и, облегчённо вздохнув, сообщил:

– Ну, всё, усыпляющий газ пошёл! Так, что там у нас дальше по плану?

– Обмундирование! – широко улыбаясь, подсказала Татьяна.

– Ага, конечно, обмундирование, – Горыныч обеспокоенно зашарил ладонями по карманам. – Где же он? Неужели, потерял? Вот, нашёл! – выложил на столешницу самый обыкновенный ключ. – Занимайте свой кабинет, рабы Божие! Благословляю! Тот, который проходной. А заявления напишите уже вечером. Или, там, ночью... Обмундирование Глафира уже принесла, на столе лежит. Пойдёмте, я вам отомкну первую дверь. В смысле, своей мозолистой ладошкой. На ваши пальчики, молодёжь, замок позже настроим, когда появится свободное время...

Их «кабинет» (который третий и проходной) представлял собой прямоугольное помещение общей площадью метров восемнадцать-двадцать квадратных.

– Входная дверь, дверь, ведущая в хозблок, третья – с приметной табличкой WC, – принялась перечислять Татьяна. – Что там у нас? Ага, стандартный унитаз и крохотная душевая кабинка. Просто отлично! Это я, естественно, про душевую кабинку... Так, высокие стеллажи с книгами и разными бумагами, офисный стол с компьютером, два стула, большой одёжный шкаф, две узкие койки с комплектами постельного белья...

– Кровати можно и сдвинуть, – скромно предложил Артём. – Для пущего удобства, понятное дело... Как мыслишь?

– Может, и сдвинем. Когда-нибудь потом..., – непонятно отреагировала девушка. – А что у нас с обмундированием? – подошла к столу, расстроено чёртыхнулась и от души возмутилась: – Это же нечестно, по меньшей мере! Как же так? Где справедливость? Подлые и наглые обманщики... Неужели, опять имеет место быть – она?

– Кто это – она? – заинтересовался Артём.

– Махровая дискриминация по половому признаку! Вот, кто! Мужланы неотёсанные... Как такое, вообще, может быть?

На столе обнаружилось: чёрный бронежилет, сложенный аккуратной стопкой комплект серой униформы, чёрный шлем-маска, прибор ночного видения (в дополнение к шлему), короткий автомат с глушителем, стандартный аккумуляторный фонарь, светло-зелёный медицинский комбинезон, такая же шапочка и клеёноччатая полосатая сумка на широком ремне. На полу – рядом со столом – стояли две пары обуви: грубые армейские ботинки с высокой шнуровкой и светло-зелёные туфли-бахилы на низком каблуке.

– По мне, так всё понятно и прозрачно! – довольно хмыкнул Артём. – Каждый получает обмундирование – в полном соответствии с его основной профессией. Кто тут у нас – будущий доктор? Вот, уважаемая Татьяна Сергеевна, и забирайте ваши медицинские вещички, переодевайтесь... Кстати, чего ты так расстраиваешься, амазонка? Пистолет-то у тебя не отбирают. Следовательно, ты – в деле! То есть, являешься полноправным бойцом спецкоманды!

– А где мне переодеваться? – засомневалась Таня, смущённо оглядываясь по сторонам. – Туалетная комната очень тесная, в ней и не повернуться толком. В «приёмной»? Там же, наверняка, камеры...

– Здесь переодевайся, трепетная наядя.

– Ага, ты же будешь подсматривать! Я, знаешь ли, стесняюсь...

– Очень надо! – притворно обиделся Артём. – Я, ведь, тоже буду переодеваться. Так что, ещё неизвестно, кто за кем будет подглядывать... Становись к этой койке – лицом к стене. Я же встану к той. На счёт три – начинаем оперативно переодеваться... Готова, боевая подруга? Раз, два, три! Начали! – скомандовал он, весело косясь в овальное зеркало, висящее на «его» стенке...

«Однако, ёлочки зелёные! Да, уж! Офигеть можно запросто!», – заинтересованно мурлыкал внутренний голос. – «Вполне, вполне! Всё, братец, на высшем уровне...».

Минут через пять-шесть Татьяна, застёгивая на липучки туфли-бахилы, спросила:

– Ну, что? Поворачиваемся?

– Поворачиваемся, – согласился Артём, пристраивая на шлем-маску приспособление ночного видения, но, не опуская его в рабочее положение. – Почему бы, собственно, и нет?

Девушка вопросительно заглянула ему в глаза и тут же насторожилась:

– А чего это ты, отставной майор, так глупо лыбишься? А? – и, густо покраснев, выдохнула: – Ох! Зеркало на стене... Ты в него подглядывал? Признавайся немедленно! Гадкий мерзавец! Да, я тебя...

Артёму – чтобы не дать разгореться жаркому скандалу – пришлось незамедлительно сгрести её в охапку, и закрыть (запечатать, накрыть, прикрыть?) рот серьёзным поцелуем...

Минуты через две-три Таня, сильно упершись ему в грудь острыми кулачками, отстранилась и, пряча глаза, прошептала:

– Дурдом какой-то, право... Атомная война на дворе, вокруг бегают ливийские кровожадные шакалы... Что мы делаем? Наверное, окончательно сошли с ума? А, Тёма?

– Наверное, – согласился Артём, с явной неохотой выпуская девушку из объятий. – Впрочем, ты права, разумная мадмуазель Сталкер. Нам надо идти. Там раненые и, вообще, Мельников ждёт... Как бы фонарик не забыть. Ещё подполковник говорил про паспорт...

Прежде, чем открыть тёмно-рыжую дверь, Горыныч вручил Артёму наплечную сумку-планшет с запасным боекомплектom и прочими полезными причиндалами, могущими пригодиться действующему бойцу в его непростой повседневной деятельности.

– А мне? – нахмурилась Татьяна. – Ну, хотя бы, запасную обойму к браунингу! А то у меня только два патрона осталось.

– Горазда ты, девонька, стрелять! Надеюсь, не все пульки улетели в молоко? Да, не обижайся ты! Вот, держи просимое! Амазонка...

Оказавшись в туннеле, Артём, первым делом, направил фонарь в сторону «Выборгской» и перевёл нужную кнопку в положение «вкл». В светло-жёлтом луче фонаря – метрах в пятидесяти-шестидесяти от них – мелькнули два чёрно-серых силуэта.

– Пост шестой! – долетел глуховатый баритон. – На вверенном объекте всё спокойно, товарищ майор!

– Бди, Егоров! – откликнулся Артём. – Не расслабляйся!

– Получается, что подполковник удвоил посты? – шепнула Таня. – Что же, вполне оправданно... Только, вот, хватает ли у него людей – на все мероприятия? То есть, бойцов?

– Конечно, не хватает, – ответил Артём, когда они уже подходили к лесенке, ведущей на платформу. – Поэтому Борис Иванович и нас привлёк. Наверняка, вскоре придётся задействовать и других гражданских лиц. То есть, использовать их не только на бытовых и вспомогательных работах, но и для несения полноценной караульной службы.

– За Хана и Хантера я ручаюсь! – твёрдо заявила девушка. – Отличные парни! Храбрые, многократно проверенные... Замолвишь, Тёма, за них словечко? А я тебя за это поцелую. В смысле, раз пятьсот-шестьсот – сверх суточной нормы...

На перроне всю кипела работа. Мельников и двое «серо-чёрных» (уже без противогазов на физиономиях), старательно «сортировали» неподвижные, то есть, крепко спящие тела. А три врача, включая профессора Фёдорова, торопливо и слаженно перевязывали раненых «пассажиров», вернее, покусанных волчьими зубами.

– Восемь бойцов сейчас задействовано на охране туннелей, один, очень похоже, погиб, – принялся вполголоса перечислять Артём, шагая по платформе. – Двое трудятся здесь. Ещё – как минимум – двое, приставлены к дизелям и прочим механизмам. Плюс Горыныч и Глафира Иванова. Не густо... Ведь, те восемь, которые дежурят в станционных туннелях, они же не железные. Им тоже полагается полноценный отдых. А кого, спрашивается, послать на замену? Похоже, что некого... Так что, и Хану с Хантером найдётся ответственная работёнка, и другим штатским личностям. Тем, которым можно безбоязненно доверить оружие...

– Они покусанных людей выкладывают в один ряд, а тех, которые не пострадали во время недавнего волчьего нашествия, в другой, – так же тихо сообщила Таня. – Тушки мёртвых шакалов пока просто отодвигают в стороны. Их, наверное, десятка два-три... А вон и два чёрных пластиковых мешка. С людскими трупами, надо полагать...

Мельников встретил подмогу радостно и, даже, похвалил:

– Молодцы, быстро переоделись! Ваша помощь будет очень кстати... Татьяна Сергеевна! Вы – как будущий врач – поступаете в полное распоряжение Василия Васильевича! Вон он, перевязывает ребёнка. Видите? Идите к нему, идите! Я вас больше не задерживаю...

Когда Таня отошла от них метров на десять-двенадцать, подполковник стёр с лица добродушную улыбку и, глядя на Артёма строго и серьёзно, произнёс:

– А тебе, Тёмный, будет дано отдельное задание. Очень опасное и ответственное... Выполнишь?

– Постараюсь, Борис Иванович!

– Ты же у нас являешься главным специалистом по пустынным волкам? То бишь, по ливийским шакалам?

– Вроде, я...

– «Не вроде», а, именно, ты! – разозлился Мельников. – Короче говоря, без промедлений двигай в правый туннель, ведущий к «Площади Мужества». Там сейчас дежурят Никоненко и Шмидт. Твой пароль – два круга фонарём, ответ – три круга. Возьмешь с собой Лёху и последуешь с ним по туннелю..., – подполковник неожиданно замаялся.

– Наша задача? – решил помочь старшему по званию Артём. – И почему речь идёт только о правом тоннеле? Есть же и второй, левый...

– Ваша задача наипростейшая. Выяснить, откуда здесь взялись пустынные волки. И, по возможности... По возможности – уничтожить всех шакалов! Или же сделать так, чтобы они нас больше не беспокоили... Сами разберётесь на месте! Чай, не маленькие... Про «право и лево»... Пустынные волки пришли из правого туннеля. Туда же и ушли-скрылись. То есть, ушли те, которые остались в живых. Всего, примерно, сорок-пятьдесят голов... С ума можно сойти! Откуда их столько – на наши головы? Влияние радиации? Крысы превратились в пол-

ноценных волков? Полный бред! Тем более что с момента взрыва прошло всего-то несколько часов...

Глава шестая

Голые старухи

Проходя мимо ряда со спящими ранеными (ряда, состоящего из спящих раненых?), он услышал, как профессор Фёдоров настойчиво объяснял подчинённым:

– Волчьи укусы? Однозначная ерунда! Справимся, вылечим, затянутся... Другое плохо, друзья мои... У нас недостаточно вакцины от бешенства. То есть, её не хватит на всех укушенных. Лишь, примерно, на две трети...

– Но, почему? – недоуменно спросила Татьяна. – Я думала, что эти волшебные воинские инструкции, про которые уважаемый Борис Иванович уже прожужжал всем нам уши, предусматривают абсолютно всё. Без всяческих исключений... Разве нет?

– Строгие воинские инструкции, милая моя барышня, действительно, предусматривают всё и вся, – тяжело вздохнул Василий Васильевич. – В соответствии с ними, родимыми, основные склады – в том числе, и медицинских препаратов – располагаются на узловых пересадочных станциях. На «Гостином Дворе», «Технологическом институте», «Владимирской», «Маяковской», ну, и так далее...

– Таня! – громко окликнул невесту Артём, поправляя наплечный ремень автомата. – Я пошёл! Прогуляюсь немного по окрестностям. К вечеру, скорее всего, вернусь...

– Удачи тебе, Тёма! – активно помахав ладонью, девушка отвернулась, продолжая прерванную беседу: – Василий Васильевич! А частое использование усыпляющего газа, который – одновременно – обладает и затормаживающим эффектом, не может навредить пациентам? Особенно, вкупе с вашей успокаивающей микстурой и воздействием экспериментальной лампы? Ведь, иногда побочные эффекты могут быть разрушительными...

– Вы, уважаемая Татьяна Сергеевна... Вы имеете в виду разрушительные последствия – для среднестатистической человеческой психики? – заинтересованно откликнулся профессор. – Опасаетесь массового и неуправляемого психоза?

– Вернее, массового сумасшествия. Хотя, не исключая и его единичных случаев. Что, согласитесь, так же страшно и неприятно...

Он торопливо шёл по платформе, а внутренний голос надоедливо шелестел в голове: – «Не иначе, вскоре предстоит прогуляться на станцию «Маяковскую» – через «Площадь Восстания». В боевом порядке, естественно, с соблюдением всех правил и инструкций. Как же иначе? Бешенство – в нашей пиковой ситуации – верная смерть. Впрочем, для заражённого человека бешенство всегда заканчивается летальным исходом... В любом случае, необходимо вколоть вакцину всем укушенным. Чтобы потом не было мучительно больно и стыдно...».

Спустившись по лесенке в туннель, Артём включил фонарь, направил его луч на рельсышпалы и обрадовано присвистнул:

– Следов-то – выше крыши! И струек крови, и кровавых отпечатков волчьих лап... Отыщем гнид кусачих, не впервой!

Артём, приведя приспособление ночного видения в рабочее положение, медленно и вдумчиво шагал по шпалам. Через каждые сорок-пятьдесят пройденных метров он включал фонарь и описывал его лучом два широких круга, после чего выключал осветительный прибор и шёл дальше. Наконец, на его сигнал ответили условным манером.

«Значит, патрульные живы!», – обрадовался внутренний голос. – «И, вообще, очень хорошо, что впереди свои, а не чёрт знает кто...».

Никоненко уже, очевидно, получил чёткий приказ по радиации от подполковника, поэтому никаких уточняющих вопросов задавать не стал, только негромко попросил остававшегося на посту Шмидта:

– Ты, Санёк, это... Посматривай здесь тщательно! В том смысле, что почаще оглядывайся по сторонам. И, главное, помни, что теперь наш с майором пароль – на обратную дорогу – полтора фонарных круга. Не забудь... По всем остальным, кто пойдёт со стороны «Площади Мужества», можешь смело открывать огонь на поражение...

– Стоп, стоп! – вмешался Артём. – Какой ещё «огонь на поражение», в одно всем известное место? А если, это будут ребята из спецкоманды «Площади»? Или «эвакуаторы», идущие со стороны станции «Девяткино»? Они же не могут знать наших условных паролей... И, вообще, откуда в этом Богом забытом туннеле взяться коварным врагам? В смысле, врагам – в человеческом обличье? Это вы, ребята, Дмитрия Глуховского начитались на ночь, не иначе...

– Ну, тогда я не знаю..., – всерьёз расстроился непосредственный Лёха. – Твои предложения, майор?

– Хрен его знает, соратники! Думаю, сделаем так... Мы с тобой, естественно, пойдём выполнять приказ. А ты, братишка Александр, – строго посмотрел на Шмидта, – свяжись, пожалуйста, по радиации с подполковником. То бишь, проясни этот скользкий и туманный момент. Лады? Вопросы есть?

– Есть один, – хмуро пробурчал верзила Шмидт. – Что делать с...этим? – кивнул головой в сторону.

В технологической нише (идеально подходящей по размерам) лежал чёрный полиэтиленовый мешок – продолговатый такой, достаточно длинный. К мешку был небрежно прислонён стандартный автомат с глушителем, а выше – на уровне глаз человека среднего роста – располагался опломбированный электрический щиток.

«Прав был достопочтенный профессор Фёдоров!», – уважительно заявил внутренний голос. – «Действительно, третий труп находится в туннеле. Небось, Василий Васильевич и вручил Лёхе этот чёрный мешок ...».

Глубокомысленно хмыкнув – как и полагается старшему по званию – Артём озвучил командирское решение:

– Параллельно, Шмидт, и труп охраняй! От голодных крыс, пустынных волков и всех прочих коварных объектов, могущих проявиться невзначай... Кстати, а как... Как оно всё получилось?

– Обычно, командир, – демонстративно невозмутимо зевнул Никоненко. – То ли заснул на посту старший лейтенант Петров, то ли, наоборот, слегка размечтался. Например, о доступных и развратных бабах, старательно притворяющихся утончёнными дамами из высшего общества... Вот, пустынные волки на него и набросились. Даже выстрелить не успел ни разу... Горло порвали в клочья. Живот выели начисто. Правую руку – в локтевом суставе – перекусили и утащили куда-то... Короче, мрак полный! Мать его мрачную растак!

Судорожно сглотнув слюну, Артём брезгливо передёрнул плечами и подытожил:

– Так что, Шмидт (извини, не знаю твоего звания!), вязаной varezhкой тут не щёлкай, да и жирных ворон ртом не лови... Бди, короче говоря! Труп сослуживца? Или я заберу на обратном пути. Или, если смена заявится до нашего с Никоненко возвращения, то ты... Ничего, дотацишь! Ты же у нас парнишка нехилый. Справишься! Автомат покойного сдашь подполковнику Мельникову – лично в руки...

Они, страхуясь и перестраховываясь, шли по шпалам. Фонарей, естественно, не включали, довольствуясь приборами ночного видения, благо кровавые волчьи следы – по-прежнему – были чёткими и однозначными.

– Стоп! – останавливаясь, скомандовал Артём. – Направо отходит, э-э-э, ход с рельсами. В смысле, туннель, но более скромного – по площади – сечения... Ага, вот и железнодорожная стрелка! Что это такое?

– Ерунда, командир! – браво откликнулся Лёха. – Тут таких ответвлений много, я по рабочей «метрошной» карте смотрел. Борис Иванович мне копию выдал... Все они, боковики, то есть, разные по размерам. То бишь, по площадям сечения, как ты, майор, выражаешься, и по общей протяжённости... В одни и серьёзный локомотив запросто въедет, в другие – только мотодрезна. А назначение у всех них – насквозь одинаковое. То есть, складское – с элементами подстраховки. В одном боковом туннеле может стоять запасной электровоз – на случай экстренной замены. В другом, к примеру, заскладированы медные кабели (кабеля?) в оплётке и всякие другие хитрые электрические штуковины – на случай срочных внеплановых (или, наоборот, плановых?) ремонтных работ.... Всё правильно! Основные механизмы и причиндалы должны всегда быть под рукой. Ну, как запасная обойма к «Калашу»... Или, к примеру,...

– Отставить, – негромко велел Артём. – То, что ты горазд – языком молоть, как тем помелом – я помню. Если начальство не прервёт, то и до самого утра... Отвечай по существу. Что это за боковушка? Тупиковая? Круговая? Что там сейчас заскладировано?

– Тупиковая, командир. До последнего ремонта путей там лежали – высокими штабелями – новые бетонные шпалы. Сейчас – уже после ремонта – лежат старые. То бишь, деревянные, на совесть пропитанные битумом. Вывозить их будут только в третьем квартале... Не, сам ремонт-то был давно, года два с половиной назад. Это Горыныч мне рассказал... Он откуда знает? Машинистов расспросил на досуге. Ты же, майор, знаешь, что Горыныч кого угодно разговорит. Импозантности в нём – просто беспредельно... Можно вопрос?

– Спрашивай.

– Мы когда остановимся? В плане – окончательно? Уже минут пятнадцать-семнадцать двигаемся по туннелю...

– Ну, и что из того?

– Примерно столько же осталось до «Площади Мужества». Как бы... Как бы ни нарваться на неприятности... Вдруг, «мужественные» ребята тоже посты выдвинули – на большое расстояние от станции? Причём, с собственными пароллями, отличными от наших?

– Шагаем! – Артём подбадривающе похлопал Лёху по плечу. – Смелого, как известно, Бог защищает и оберегает. Впрочем, как и наглого – в меру пацанскую...

Впереди, между рельсами, замаячило размытое пятно, окружённое – по мнению прибора ночного видения – ярким радужным ореолом.

«С преобладанием тёмно-синего и фиолетового цветов», – дисциплинированно отметил внутренний голос. – «То бишь, цветов неизбежной и скорой смерти – по мнению древних ацтеков. Или, всё же, древних инков?»...

– Мёртвый пустынный волк! – радостно сообщил Никоненко, шедший – в этот момент – первым. – Ничего интересного! Ну, поймал пулю на платформе, рванул в горячке по туннелю... По дороге, всё же, помер. От чрезмерной потери крови, надо думать...

– Молодец! А на шее – что?

– Не понимаю сущности вопроса... Чисто всё, вроде. Мыл позавчера... Какие проблемы, майор? Это ранняя отставка, видимо, так паскудно подействовала на твою психику...

– Молчать! – недовольно прикрикнул Артём и, обеспокоенно оглянувшись по сторонам, уточнил: – Что это за тонкая тёмно-коричневая полоса? Ну, та, что болтается на шее ливийского шакала? В смысле, на шее мёртвого и, однозначно, матёрого шакала? Я, кстати, именно в него и палил на перроне, запомнил по данному буро-рыжему пятну на холке, да и по общей стати... Две пули выпустил. Причём, как ты знаешь, я в таких ситуациях никогда не промахиваюсь. Вот – одна дыра в черепа... Да, второй что-то не наблюдается. Видимо, всё же, промазал. Старею, не иначе...

Никоненко ногой бестрепетно перевернул труп пустынного волка, нагнулся, внимательно оглядел его, даже, такое впечатление, принюхался и, приглушённо чихнув, объявил:

– Прав ты, Тёмный! Перед нами – ливийский шакал. Причём, бесспорно, мёртвый. И, однозначно, очень старый... Ну, очень, блин, пожилой! Седина просматривается во всех местах. И в обычных местах, и в пикантных... Тонкая тёмно-коричневая полоска? Чёрт! Это же... Ошейник! Вернее, остатки от него... Чёрт! Тут наличествует и серебряная бляха с чёткой гравировкой... «Los Anchelinos, 17. 07. 02. Pase...». Мать его! Что-то, определённо, знакомое...

– Сан-Анхелино, это такой заштатный городишко в Никарагуа, – подсказал Артём. – Нам про него Горыныч как-то рассказывал.

– Точно! Там ещё все жители помешаны на жёлтых розах... Какая, интересно, связь между Никарагуа и ливийскими шакалами?

Слева замаячил чёрный провал очередного ответвления.

– Оставайся в основном туннеле! – велел Артём. – Я пойду, посмотрю – что да как. Ради удовлетворения воинского любопытства. Кровавые волчьи следы сюда, правда, не сворачивают, но, всё же...

Боковой ход оказался коротким, метров сто пятьдесят, может, двести. В его торце, как и предсказывал Никоненко, обнаружился обыкновенный маневровый электровоз.

– Или же – тепловоз? – пробормотал под нос Артём. – Кто их сходу отличит? Железяка, как железяка, разве, что с колёсами. Надо бы посмотреть, что находится в кабине...

Но «посмотреть» не получилось. Из основного туннеля послышалась приглушённая Лёхина матерная ругань, через пару секунд грохнул одиночный выстрел.

– Что ещё за дела? – вернувшись бегом назад, зашипел – злой весенней гадюкой – Артём. – Докладывай, старший лейтенант! Мать твою...

– Дык, это, командир... Старухи..., – бестолково моргая мохнатыми ресницами, сообщил Никоненко.

– Какие, в конскую задницу, старухи? Толком говори, морда! Ну?

– Ты ушёл в боковушку. Через минуту раздался тихий-тихий скрип. Смотрю, из стены показались тёмно-серые фигуры. Худенькие такие, почти невесомые... Сперва я, даже, решил, что это приведения. Призраки, то бишь, мать их... Включил фонарь. Ба! Старухи! Голые все, седые, пархатые и страхолюдные... Пальнул, естественно...

– Попал, снайпер? – ехидно поинтересовался Артём. – И куда же эти пожилые женщины потом подевались? Спрятались обратно – в стену туннеля? Мол, застеснялись, что не одеты? Сейчас я наблюдаю только полное и однозначное безлюдье. Нас с тобой, понятное дело, не считая. Да, и старушечьего трупа что-то нигде не видно.

– Дык, я же в потолок стрелял..., – принялся оправдываться Лёха. – Неудобно как-то – в стареньких бабушек. Глаза у них больно, уж, жалостливые. Мать их... Что, майор, будем делать дальше? Вернёмся на «Лесную» и доложим о случившемся подполковнику?

– Вперёд пойдём, – после непродолжительного раздумья решил Артём. – Говоришь, тоненько скрипело впереди? Наверняка, там имеется дверь – с ржавыми петлями, давно уже позабывшими о существовании машинного масла...

Действительно, в тридцати-сорока метрах – с правой стороны по ходу движения – обнаружилась приоткрытая дверь. Вернее, чёрные двухстворчатые ворота, створки которых разошлись внутрь, образовав таинственную полуметровую щель, из которой распространялся ярко-выраженный запах плесени и векового запустения.

– Ерунда какая-то, мать его! – желчно прокомментировал Лёха. – Сейчас двухстворчатые конструкции ворот не в почёте. Считается, что это ненадёжно – с точки зрения элементарной безопасности. Мол, их вскрыть – легче лёгкого, – включил фонарь и, внимательно осмотрев

торцы створок, радостно объявил: – Ну, я так и думал! Замки – сплошная насмешка... Электронные, но ужасно древние и примитивные. Видимо, во время недавнего взрыва их начинка вышла из строя, в смысле, окончательно накрылась медным тазом. Вот, ворота и распахнулись. А из-за них и полезла она, разнообразная и отвязанная хрень... Смотри, командир! Волчьи-то кровавые следы, как раз, и уходят в этот непонятный ход...

Артём, сильно надавив ладонями, распахнул створки ворот внутрь и, включив фонарь, согласился с подчинённым:

– На этот раз, братец, ты, пожалуй, прав! Про ерунду и разнообразную хрень... Рельсы какие-то странные. Во-первых, обрываются в трёх-четырёх метрах от ворот. Во-вторых, очень ржавые, а шпалы, и вовсе, деревянные, щедро покрытые бледно-фиолетовой плесенью. А на потолке и стенах присутствует знатная, толстая и многослойная паутина... Откуда, спрашивается, в метро – пауки? И что «метрошная» карта рассказывала об этом непонятном ходе?

– Не было его на карте! Штатским гадом буду! – поклялся Лёха самой страшной и верной клятвой. – Не было, что б мне провалиться на месте! Я так думаю про этот боковушник... У него, явно, транспортно-грузовое предназначенье. Электровозу здесь не пройти, сечение не то. Значит, в работе задействуют дрезины. Мото, например, или на мускульной тяге... Подходит гружёная дрезина, ворота открывают, а груз перемещают на вторую, заранее ждущую. Потом ворота закрывают, и дрезины успешно разъезжаются в разные стороны... Вот, как-то так оно – по моим скромным представлениям... Бурая ржавчина, густая паутина и разноцветная плесень? В знаменитом романе Дмитрия Глуховского – «Метро 2033» – вскользь упоминалось о так называемом «Метро-2»... Ну, о тайной ветке метрополитена для партийной элиты и прочих – бесконечно важных – руководителей. Мол, некоторые из них – по этой секретной ветке – и до работы добирались. Иногда... Но, главное, именно в «Метро-2» наши небеснородные вожди и генералы намеревались пересидеть ужасы грядущей «ядерной зимы»...

– Вполне жизненная версия, – согласился Артём. – А откуда взялись плесень с ржавчиной? О паутине уже не говоря?

– Так, ведь, началась горбачёвская Перестройка! Потом коммунистов грубо и нетактично отстранили от власти. А они, будучи ребятами вредными и жадными, новым Правителям страны ничего и не сообщили – о тайных подземных коммуникациях. Это, ясен пень, только моя версия – на скорую руку – не более того... Знатная паутина по углам? Не вопрос! Вентиляционные системы всех подземелий всегда имеют выход на свежий воздух. Так что, ничего хитрого. И пауки – по вентиляционным коридорам – могут запросто проникнуть под землю. И мухи с комарами... Кстати, командир! Ведь, по этому «Метро-2», наверняка, можно выбраться на земную поверхность! Как думаешь?

– За каким чёртом – выбраться? – поморщился Артём. – Типа – под смертоносное радиоактивное облучение? Хотя... Через некоторое время можно и попробовать. Через пару-тройку месяцев. В специальных комбинезонах, понятное дело... Имеются такие у Мельникова в заглазнике?

– А, то! Штук двадцать! А... Что дальше будем делать?

– Надоел ты мне – этим дежурным вопросом – хуже горькой редьки! Столько лет уже находишься в Рядах, а до сих пор не усвоил прописных и наипростейших истин. Поэтому, наверное, и звёзд не прибавляется на твоих погонах... Какая задача поставлена перед нами руководством?

– Ну, это..., – задумался Никоненко, неуверенно подкручивая цилиндр глушителя на стволе автомата. – Провести тщательную разведку территории и доложить о выводах...

– Вот, именно! Ты, морда наглая и ленивая, даже полученный приказ толком не можешь запомнить! – возмутился Артём. – Так – до самой пенсии – и проходишь в старших лейтенантах! Не обижайся, шутка такая, армейская насквозь... Итак, приказ военного коменданта станции «Лесная», подполковника Мельникова Бориса Ивановича гласит: – «Уничтожить –

по мере возможности – всех пустынных волков, взявшихся неведь откуда. В случае невозможности выполнения данного действия – произвести комплекс эффективных мероприятий, направленных на предотвращение дальнейшего появления означенных волков на станции...». Понятно излагаю, старлей?

– Так точно!

– Поэтому – в свете вышеизложенного – наша задача проста, как латунный «метрошный» жетон. А, именно, запереть данные ворота, из которых появляются ливийские шакалы и пархатые голые старухи, намертво...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.